

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Второй Вселенский собор

Опубликовано:
Христианское чтение. 1878. № 7-8. С. 180-234.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Второй вселенскій соборъ и его время

(Очеркъ изъ исторіи IV вѣка).

Въ ряду явленій, требовавшихъ соборнаго обсужденія, безспорно первое мѣсто занимаетъ распространеніе разныхъ еретическихъ воззрѣній. На характеристикѣ ихъ мы и остановимся прежде всего.

Во второй какъ и въ первой половинѣ IV вѣка самую распространенною ересью на востокѣ была ересь арианская, приверженцы которой дѣлились теперь на слѣдующія двѣ главныхъ партій: строгихъ арианъ, въ свою очередь подраздѣлявшихся на евноміанъ (приверженцевъ Евномія) и евдоксіанъ (приверженцевъ Евдоксія), и полуаріанъ. Не смотря на раздѣленіе первой изъ этихъ партій, всѣ члены ея держались въ сущности одного и того же ученія. Евдоксіане, какъ и евноміане, одинаково признавали, что Сынъ есть твореніе Отца, хотя твореніе первое и совершеннѣйшее, что онъ иного существа съ Богомъ Отцомъ и даже неподобенъ ему. Такъ разсуждали строгіе аріане, при помощи діалектики стараясь превратить откровенное христіанское вѣроученіе въ систему положеній, вполне доступныхъ для человѣческаго пониманія. Менѣе строгіе аріане или такъ называемые полуаріане не могли, да и не хотѣли держаться такихъ крайнихъ и—даже на ихъ взглядъ—противныхъ Писанію воззрѣній. Они учили, что Сынъ есть истинный Богъ, прежде всѣхъ вѣковъ рожденный отъ Отца, подобный Ему по существу и равный по достоинству. Но, приближаясь къ православнымъ въ ученіи о Сынѣ, полуаріане опять расходились съ ними въ ученіи о Св. Духѣ.

Одинаково съ Македоніемъ, своимъ главою и представителемъ съ 360 г., они признавали Духа тварію, называли Его лицомъ служебнымъ, по чину и чести третьимъ и по существу отличнымъ. Должно впрочемъ замѣтить, что въ средѣ македоніанъ было немало и такихъ лицъ, которыя не хотѣли называть Духа рабомъ и тварію, но не смѣли называть Его только Богомъ—на томъ единственно основаніи, что Писаніе не даетъ Ему этого имени. Въ существѣ дѣла эти лица были единомысленны съ православными, и православная церковь—какъ увидимъ—на это обстоятельство обратила особенное вниманіе.

Кромѣ аріанъ различныхъ оттѣнковъ на востокъ въ разсматриваемое время было не мало приверженцевъ и другихъ ересей, именно ереси маркелліанской, фотиніанской и аполинаристской. Стремясь защитить божество Слова, отвергаемое аріанами, и находя, что признаніе вѣчнаго сыновства заключаетъ въ себѣ субординаціонизмъ, маркелліане учили, что Слово стало Сыномъ только по вочеловѣченіи, что до образованія міра Оно было разумомъ Бога, покоившимся въ существѣ Божіемъ и неотдѣлимомъ отъ него на подобіе разума въ человѣкѣ. Въ качествѣ Слова дѣятельнаго Оно явилось при міротвореніи, при различныхъ откровеніяхъ и особенно при высшемъ откровеніи чрезъ Христа. Но, совершивъ искупленіе, ради котораго Слово приняло плоть человѣка Іисуса, Оно опять возвратится къ Богу, отъ котораго изошло, и тогда временное царство Христа разрѣшится въ единое царство Бога. Таково въ главныхъ чертахъ ученіе маркелліанъ. (Не лишне замѣтить приэтомъ, что упомянутые еретики выдавали себя за учениковъ еп. анкирскаго Маркелла, но несправедливо: Маркелль былъ православный епископъ, и не его вина, что нашлись люди, истолковавшіе его ученіе въ превратномъ смыслѣ). Еще дальше ихъ пошелъ еп. сирмійскій Фотинъ. Онъ, а велѣдъ за нимъ и его приверженцы, одинаково съ маркелліанами отличалъ Слово отъ Сына. Но въ то время, какъ маркелліане полагали воплощеніе въ соединеніи Слова съ тѣломъ человѣка Іисуса, Фотинъ училъ, что воплощеніе Слова состоитъ

въ обоженіи полнаго человѣка Іисуса. При такомъ взглядѣ на воплощеніе Христось превращался въ простаго человѣка, въ которомъ обитала безличная сила Божія, данная Ему отъ Бога за святость жизни.

Между тѣмъ какъ маркелліане и фотиніане расходились съ Церковію главнымъ образомъ въ ученіи о Божеской природѣ во Христѣ, аполинаристы не хотѣли принимать ученія Церкви о полной человѣческой природѣ во Христѣ. Глава этой ереси еп. лаодикійскій Аполлинарій придавалъ Христу человѣческое тѣло (*σῶμα*) и одушевляющее его начало органической жизни (*ψυχὴ ἄλογος*), но отрицалъ душу разумную (*ψυχὴ λογική*) или умъ (*νοῦς*), и вотъ почему. Если — думалъ онъ — признать во Христѣ человѣческой духъ или умъ, то его нужно мыслить или какъ страдательное и несвободное, или какъ дѣятельное и самостоятельное начало въ Богочеловѣкѣ. Но если приписать уму несвойственный ему характеръ пассивности, то вмѣстѣ съ этимъ придется отвергнуть во Христѣ главное условіе человѣческой личности; если же оставить за умомъ тѣ права, какія онъ имѣетъ въ человѣкѣ, то окажется необходимымъ признать въ Богочеловѣкѣ два лица и два сознанія. Ни то, ни другое предположеніе, очевидно, не можетъ быть принято. Также неудовлетворительно и третье возможное здѣсь предположеніе, по которому Христось есть обожившійся человѣкъ: сохраняя и единство лица и самостоятельность ума, это предположеніе отрицаетъ во Христѣ истинное личное Божество. Наконецъ признаніе во Христѣ человѣческаго ума предполагало бы въ немъ грѣховность, неотъемлемую отъ человѣческой разумной природы со дня паденія. Но кто осмѣлится сказать это о Безгрѣшномъ и Чистѣйшемъ? — Не имѣя силъ выпутаться изъ этихъ противорѣчій съ сохраненіемъ во Христѣ ума и въ тоже время считая себя вправѣ такъ или иначе рѣшить ихъ, тѣмъ болѣе, что въ Писаніи — по мнѣнію Аполлинарія — нѣтъ яснаго отвѣта на занимавшій его вопросъ, названный епископъ единственный выходъ изъ своихъ недоумѣній нашель въ отрицаніи у Христа человѣческой разумной души и въ замѣнѣ ея божествомъ Слова.

Легко понять, какъ должны были возмущать покой Церкви всѣ названныя ереси. Опасность, угрожавшая Церкви отъ этихъ лжеученій, была тѣмъ серьезнѣе, что въ средѣ самихъ православныхъ не было взаимнаго довѣрія. „Нѣкогда“ — писалъ св. Василій, еп. кесарійскій, къ одному изъ православныхъ епископовъ — „нѣкогда было похвалою Церкви, что братія каждой церкви, напутствованные небольшими символами, отъ одного до другаго конца вселенной во всѣхъ находили себѣ отцовъ и братій; а нынѣ (т. е. около 374 г.) врагъ церквей Христовыхъ вмѣстѣ съ прочимъ похищаетъ у насъ и это: мы расписаны по городамъ и каждый изъ насъ въ подозрѣніи имѣетъ ближняго“ (Пис. 183). Эта подозрительность, въ большинствѣ случаевъ основанная на недоразумѣніяхъ, была такъ велика, что въ средѣ многихъ православныхъ епископовъ возникло даже сомнѣніе относительно чистоты вѣры св. Василія, и послѣднему стоило не малаго труда возстановить свою славу истинно православнаго человѣка. — Къ этимъ подозрѣніямъ, нарушавшимъ внутренній миръ Церкви, присоединялись еще споры и раздоры изъ-за такъ называемаго антиохійскаго раскола, который состоялъ въ томъ, что православная антиохійская церковь раздѣлилась на двѣ враждебныя партіи, изъ которыхъ одна считала законнымъ антиохійскимъ епископомъ св. Мелетія (бывшаго впоследствии предсѣдателемъ 2 всел. собора), а другая — нѣкоего Павлина. Привязанность къ своимъ епископамъ заставила обѣ стороны прервать взаимное общеніе; а различіе въ богословскихъ терминахъ, бывшихъ въ употребленіи у той и другой партіи, въ связи съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, какъ бы дала имъ право — взводить другъ на друга обвиненія въ ереси и такимъ образомъ дѣлу личныхъ привязанностей сообщать религіозную окраску. Этотъ печальный раздоръ православныхъ антиохійянъ, къ сожалѣнію, не ограничился предѣлами одной Антиохіи: въ немъ приняли участіе всѣ православныя церкви, причемъ церкви западныя вслѣдъ за церковію александрійскою стали на сторону Павлина, а церкви

восточныя—на сторону Мелетія, защищая его исключительныя права на антиохійскую кафедру.

Такое печальное положеніе дѣль давно уже обращало на себя вниманіе лучшихъ людей второй половины IV вѣка, ясно видѣвшихъ необходимость оградить Церковь отъ еретиковъ, присоединить къ ней тѣхъ неправомыслящихъ, которые не прочь были принять православіе, — согласить и примирить православныхъ другъ съ другомъ и наконецъ уничтожить давній антиохійскій расколъ. Много отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ соборовъ пытались рѣшить эти задачи, и все-таки ни одна изъ нихъ не была выполнена въ той мѣрѣ, въ какой это нужно было. Въ частности, что касается огражденія Церкви отъ еретиковъ, то въ этомъ отношеніи была сдѣлана лишь одна половина дѣла. На различныхъ соборахъ (александрійскомъ, иконійскомъ, иллирійскомъ, антиохійскомъ 378 г.) было раскрыто православное ученіе въ тѣхъ пунктахъ, въ какихъ оно искажалось поименованными выше еретиками. Но въроопредѣленія этихъ соборовъ не имѣли общеобязательнаго значенія, почему отдѣльныя церкви вовсе не были охранены отъ вліянія еретиковъ, тѣмъ болѣе, что мѣста предстоятелей церквей въ ту пору весьма не рѣдко переходили въ руки неправомыслящихъ.

Что касается присоединенія къ Церкви по крайней мѣрѣ умѣренныхъ полуаріанъ, то и въ этомъ отношеніи сдѣлано было далеко не все. Правда, благодаря миролюбивымъ наклонностямъ св. Аѳанасія и александрійскаго собора (362 г.), въ связи съ нѣкоторыми благопріятными политическими обстоятельствами того времени, многіе изъ полуаріанъ перешли въ лоно Церкви. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ александрійскаго собора произошло еще болѣе отрадное событіе: всѣ македоніане исповѣдали никейскій символъ и были приняты въ общеніе православными церквями востока и запада. Но время показало, что большинство македоніанъ еще не было способно отказаться отъ своихъ заблужденій. Вотъ почему, благодаря лишь мудрости св. Василія, который умѣлъ щадить совѣсть немощныхъ, разумнымъ опредѣленіямъ иконійскаго собора (между 375 и 377 г.)

и богословскимъ трудамъ знаменитѣйшихъ епископовъ того времени, нѣкоторые изъ полуаріанъ даже совсѣмъ перешли въ православіе. Всѣ же остальные македоніане разорвали даже и то общеніе съ церквами, которое они поддерживали до смерти Валента: когда императоръ Граціанъ въ 378 г. даровалъ всѣмъ свободу вѣры, македоніане вновь отвергли догматъ единосущія и рѣшили ни подъ какимъ видомъ не сообщаться съ тѣми, которые принимали никейскій символъ. Такимъ образомъ полное примиреніе полуаріанъ съ православными оставалось еще вопросомъ будущаго.

Дѣло соглашенія православныхъ между собою также не было приведено къ концу, хотя оно и значительно подвинулось впередъ. Живое и дѣятельное участіе, какое приняли въ этомъ дѣлѣ св. Василій и единомысленные съ нимъ епископы (св. Амфилохій, еп. иконійскій, св. Григорій, еп. нисскій, Целагій, еп. лаодикійскій и мн. др.) не осталось безъ послѣдствій: православные епископы собирались на соборы, вступали другъ съ другомъ въ переписку и такимъ образомъ мало по малу удостовѣрялись въ православіи другъ друга. Соглашеніе произошло, но далеко не на всемъ протяженіи имперіи.—Антіохійскій вопросъ также ждалъ еще своего окончательнаго рѣшенія. Говоримъ: „окончательнаго“, потому что въ самой Антіохіи была сдѣлана попытка уничтожить расколъ. Эта попытка, инициатива которой принадлежала по всей вѣроятности антіохійскому собору (378 г.), или же предсѣдателю этого собора св. Мелетію, не осталась безъ успѣха. Она состояла въ слѣдующемъ: на общемъ собраніи мелетіанъ и павлиніанъ было постановлено—въ случаѣ смерти котораго либо изъ епископовъ предоста- вить антіохійскую кафедру другому оставшемуся въ живыхъ епископу и на мѣсто умершаго не посвящать новаго епископа. Выполненіе этого постановленія было возложено на шестерыхъ достойнѣйшихъ мужей (по три съ каждой стороны), которые клятвенно обязались въ точности выполнить сдѣланное условіе. Но это соглашеніе между сторонами оставалось лишь частнымъ дѣломъ немногихъ: въ немъ не участвовали даже нѣкоторые изъ самихъ антіохійцевъ. Но—

что главнѣе всего—упомянутое условіе не было подтверждено согласіемъ хотя бы одной восточной Церкви, тогда какъ въ самомъ расколѣ принималъ участіе не только весь Востокъ, но и весь Западъ. Вотъ почему по антиохійскому вопросу требовалось постановленіе высшей церковной власти, которая не только подтвердила бы названное условіе, но и дополнила его, точно опредѣливъ отношенія двухъ антиохійскихъ епископовъ во время жизни ихъ обоихъ, на что повидимому не было обращено вниманія самими антиохійцами.

Всѣ вышеуказанные вопросы возникли еще задолго до собора. Предъ самымъ созваніемъ собора къ нимъ присоединилось еще нѣсколько важныхъ вопросовъ, возникшихъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Съ 379 г. предстоятелемъ небольшой православной общины въ Константинополь былъ св. Григорій Назіанзень, занявшій это мѣсто по усердной просьбѣ многихъ епископовъ и почти всѣхъ православныхъ жителей столицы. Не смотря на то, что св. Григорій (правда, лишь номинально) числился епископомъ сасимскимъ, противъ его перехода въ Константинополь не возражалъ ни одинъ изъ восточныхъ епископовъ; даже alexandрійскій епископъ Петръ, по выраженію Григорія, призналъ его возведеннымъ на константинопольскій престолъ. Нельзя было и предвидѣть, чтобы кто нибудь осмѣлился заявить притязаніе на кафедру, которую съ честью занималъ Григорій. Однако это случилось. Въ числѣ самыхъ близкихъ друзей Григорія почти съ первыхъ дней его жизни въ Константинополь былъ нѣкто Максимъ, по происхожденію alexandрійецъ, человекъ образованный, но хитрый и—какъ показало время—не чуждый коварства. На первыхъ порахъ онъ держалъ себя какъ искренній другъ Григорія, и лишь со временемъ заявилъ о своихъ видахъ на столичную кафедру. Если не по волѣ, то съ согласія alexandрійскаго епископа Петра, которому по всей вѣроятности хотѣлось имѣть на столичной кафедрѣ преданнаго себѣ alexandрійца, въ одну ночь тайно совершено было посвященіе Максима нѣкоторыми изъ его соотечественниковъ, которые для этой цѣли нарочно прибыли въ Константинополь. Поступокъ Максима и alexandрійцевъ

возбудилъ общее негодованіе не только православныхъ, но и людей, по выраженію Григорія, „сомнительной вѣры“. Максимъ былъ изгнанъ изъ города. Этимъ однакоже дѣло не кончилось, да и не могло кончиться. Возникали слѣдующіе вопросы: по праву ли самъ Григорій занимаетъ константинопольскую кафедру, и если по праву, то какъ доказать неприменимость къ настоящему случаю 15 правила 1-го всел. собора, которымъ запрещается переходъ епископовъ съ одной кафедры на другую? Затѣмъ: какъ смотрѣть на Максима? Признавать ли его рукоположеніе законнымъ или же считать его недѣйствительнымъ? Въ связи съ этимъ находился еще другой, болѣе важный вопросъ: вправѣ ли епископы одной области вмѣшиваться въ церковныя дѣла другихъ областей, и вообще — каковы права и обязанности областныхъ епископовъ?

Такимъ образомъ ко времени втораго вселенскаго собора стали на очереди вопросы, одинаково требовавшіе скорого и авторитетнаго рѣшенія. Откладывать рѣшеніе этихъ вопросовъ теперь не было нужды: съ восшествіемъ Θεодосія на престолъ восточной имперіи наступило самое благопріятное время для удовлетворенія упомянутыхъ нуждъ времени. Для православной Церкви, полвѣка почти томившейся подъ гнетомъ иновѣрной власти, занялась теперь заря новой, свѣтлой будущности, и православнымъ пастырямъ оставалось лишь воспользоваться ко благу Церкви тѣми средствами, какими снабдила ихъ внимательность императора Θεодосія къ нуждамъ своихъ единомысленниковъ.

Еще зимою 381 года начали ходить слухи о намѣреніи императора собрать соборъ; къ этому же времени по всей вѣроятности относится и императорскій эдиктъ о созваніи собора. Согласно этому эдикту соборъ долженъ былъ составиться въ столицѣ восточной имперіи Константинополѣ. Мѣстомъ собора былъ назначенъ Константинополь, а не другой какой-либо городъ, потому — какъ надобно полагать, что нѣкоторые изъ дѣлъ, подлежащихъ обсу-

денію собора, всего лучше могли быть рассмотрѣны именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ, назначая соборъ въ Константинополь, императоръ могъ руководиться приэтомъ и другими побужденіями чисто политическаго свойства.—Новый соборъ имѣлъ составиться изъ епископовъ одной восточной имперіи, о чемъ ясно свидѣтельствуяютъ всѣ церковные историки и даже очевидецъ разсматриваемыхъ событій св. Григорій Назіанзенъ. Причину этого явленія бл. Θεодоритъ (V, 6 — 7) видитъ въ томъ обстоятельстве, что предъ временемъ вселенскаго собора западъ былъ почти совершенно свободенъ отъ ересей, тогда какъ востокъ представлялъ картину почти повсемѣстныхъ волненій изъ-за религиозныхъ вопросовъ. Фактъ, указанный бл. Θεодоритомъ, безспоренъ; но онъ еще не объясняетъ явленія, о которомъ идетъ рѣчь. Повидимому западъ потому именно и долженъ былъ заняться церковными дѣлами Востока, что послѣдній много и долго страдалъ отъ ересей, тогда какъ первый наслаждался почти полнымъ спокойствіемъ. Недоумѣніе это разрѣшится, если обратить вниманіе на то, съ какимъ равнодушіемъ относился западъ къ церковнымъ нестроеніямъ востока не задолго до собора. Дѣло понятное, что на востокъ, при всемъ уваженіи къ православію запада, почти вовсе перестали вѣрять въ глубину и искренность его участія къ дѣламъ востока. Съ другой стороны не должно забывать и того, что теперь, съ перемѣной правительства, восточные надѣялись управиться съ еретиками одними собственными средствами безъ помощи западныхъ. Къ тому же соборъ вовсе не имѣлъ въ виду дѣлать опредѣленій обязательныхъ для всей Церкви вселенской. Ему предстояло лишь устроить церковныя дѣла востока и прежде всего константинопольской церкви, а это можно было сдѣлать не обращаясь за содѣйствіемъ на западъ. Правда, соборное вѣроопредѣленіе получило впоследствии значеніе общеобязательнаго правила вѣры; но это произошло уже долго спустя послѣ собора и независимо отъ его желаній. Какъ бы то ни было, только къ западнымъ епископамъ не было послано приглашенія явиться на соборъ, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что —

судя по дошедшимъ до насъ соборнымъ подписямъ и свидѣтельствамъ церковныхъ историковъ—на соборѣ не было ни одного западнаго епископа. Не были приглашены на соборъ даже македонскіе епископы—по той вѣроятнo причинѣ, что Македонія, до 379 года входившая въ составъ западной римской имперіи, еще не успѣла порвать своихъ связей съ церквами западными.

Кромѣ православныхъ на соборъ приглашены были и македоніанскіе епископы. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ по всей вѣроятности св. Григорію, который давно уже лелѣялъ мысль о полномъ соединеніи полуаріанъ съ православными. Впрочемъ императоръ Θεодосій и самъ, по чисто политическимъ разсчетамъ, долженъ былъ желать этого сближенія полуаріанъ съ православными. Онъ мечталъ о полномъ религіозномъ единomyсли своихъ подданныхъ и всегда съ особенной любовью останавливался на этой мысли: единство вѣры и отсутствіе церковныхъ раздѣленій, по его мнѣнію, было самымъ прочнымъ залогомъ внутренняго мира и государственнаго благоустройства. Теперь представился случай сдѣлать первый шагъ къ уничтоженію религіозныхъ споровъ и раздоровъ, не приносящихъ ничего, кромѣ вреда, и для Церкви и для государства,— и этотъ шагъ былъ сдѣланъ. Македоніанскіе епископы были приглашены на соборъ, въ той конечно надеждѣ, что бесѣды ихъ съ православными епископами приведутъ къ давно желанному полному соглашенію обѣихъ сторонъ.

За отсутствіемъ историческихъ данныхъ невозможно назвать по имени всѣхъ македоніанскихъ епископовъ. Изъ числа 36 епископовъ, прибывшихъ на соборъ, извѣстны по именамъ только двое, именно: Элевсій, епископъ кизикскій, и Маркіанъ, еп. лампсакскій. Объ остальныхъ можно сказать только то, что они большею частію были изъ городовъ, лежащихъ около Геллеспонта.—Легче опредѣлить, кто изъ православныхъ восточныхъ епископовъ явился на соборъ и какъ велика была ихъ общая численность. Что касается послѣдняго вопроса, то онъ не представляетъ почти никакихъ трудностей. На основаніи словъ бл. Θεодорита и Сократа схоластика,

а равно общаго свидѣтельства древности, которая знала 2-й вселенскій соборъ подъ именемъ „собора 150 отцовъ“, это число 150 можно счесть самымъ вѣроятнымъ ¹⁾).

¹⁾ Сравнительно больше затрудненій представляетъ другая сторона дѣла. Правда, мы имѣемъ подписи отцовъ собора, сохранившіяся въ Діонисіевомъ собраніи канонѣвъ и въ такъ наз. Pricca. Но эти подписи, во первыхъ, далеко не полны. Такъ напримѣръ здѣсь нѣтъ имени Асхолія, еп. ессалонискаго, тогда какъ онъ, по единогласному свидѣтельству церковныхъ историковъ и отцовъ аквилейскаго собора (381 г.), присутствовалъ на вселенскомъ соборѣ. Основываясь на одномъ замѣчаніи св. Григорія Богослова можно даже полагать, что вмѣстѣ съ Асхоліемъ прибыли на соборъ и нѣкоторые другіе македонскіе епископы. Затѣмъ въ подписяхъ мы встрѣчаемъ имена только двухъ епископовъ египетскаго округа,—число слишкомъ незначительное для цѣлаго діоцеза, который заключалъ въ себѣ 9 провинцій. Далѣе, по свидѣтельству бл. Θεодорита въ его церковной исторіи, на соборѣ присутствовалъ братъ св. Василія Великаго—св. Петръ, еп. севастійскій; однако въ подписяхъ его имени нѣтъ. Безъ всякаго сомнѣнія, былъ на соборѣ и Θεодуль, еп. апамейскій: имя этого епископа читается въ подписяхъ подъ завѣщаніемъ св. Григорія Назіанзена, написаннымъ въ концѣ мая 381 года и—слѣдовательно—во время соборныхъ засѣданій. Между тѣмъ въ подписяхъ имени этого епископа также не встрѣчается.

Кромѣ своей неполноты соборныя подписи имѣютъ и другой, еще болѣе крупный недостатокъ: онѣ слишкомъ несправны и неточны. Уже при первомъ взглядѣ на подписи возникаетъ мысль о крайней ихъ неточности: имена епископовъ и названія занимаемыхъ ими кафедръ въ различныхъ вариантахъ подписей читаются такъ различно, что трудно даже подмѣтить что нибудь общее между вариантами и показать ихъ происхожденіе одинъ изъ другаго. При ближайшемъ ознакомленіи съ подписями, при сравненіи ихъ съ разными историческими свидѣтельствами, оказывается, что какъ имена епископовъ, такъ и названія городовъ искажены до невѣроятной степени. Такъ епископу какого нибудь города иногда дается имя, совершенно не похожее на то, которое онъ имѣлъ въ дѣйствительности. Случается и такъ, что епископъ названъ совершенно правильно, но за то сдѣлана крупная ошибка въ названіи управляемаго имъ города. Нерѣдко даже читаемъ здѣсь названія городовъ, никогда не существовавшихъ въ данной мѣстности. Словомъ, соборныя подписи слишкомъ несправны, такъ что пользоваться ими можно лишь съ большою осторожностью. Впрочемъ на основаніи данныхъ церковной географіи и статистики, подписей подъ опредѣленіями другихъ соборовъ, свидѣтельствъ церковныхъ историковъ и писателей, писемъ епископовъ и нѣкоторыхъ другихъ историческихъ документовъ можно возстановить въ первоначальномъ видѣ по крайней мѣрѣ большую часть подписей. Если сгруппировать эти проверенныя подписи по діоцезамъ или округамъ и областямъ, то получится слѣдующій списокъ членовъ втораго вселенскаго собора, по всей вѣроятности присутствовавшихъ при его открытіи.

Знаменитѣйшими изъ епископовъ были слѣдующіе: св. Мелетій антиохійскій, Элладій кесарійскій, св. Григорій нисскій, св. Петръ севастійскій, св. Амфилохій иконійскій, св. Пелагій лаодикійскій, Оптимъ антиохійскій (въ Писидіи), Діодоръ тарсскій, св. Евлогій эдесскій, Акакій веррейскій, св. Кирилль іерусалимскій, Геласій

Считаемъ впрочемъ необходимымъ замѣтить при этомъ, что мы не могли сами провѣрить *всѣхъ* подписей и—при неимѣніи данныхъ для критики вариантовъ—выбрали то чтеніе, какого держатся извѣстные знатоки церковной географіи и статистики—Лежень и Вильчь.

Епископы Восточнаго округа.

— *Сирийской области*: Мелетій антиохійскій, Пелагій лаодикійскій, Акакій веррейскій, Іоаннь апамейскій, Визъ севекійскій, Евсевій епифанійскій, Маркіанъ севеквиальскій, Патрофилъ ларисскій, Северъ налтскій, Евсевій халкидскій, Домнъ гавальскій, Василий раванейскій, Флавианъ и Елпидій, пресвитеры антиохійскіе.

— *Финикійской области*: Зенонъ тирскій, Павелъ сидонскій, Нектавъ штолемаидскій, Филиппъ дамаскскій, Варахъ панеадскій, Тимоосей беритскій, Василъ вавльскій, Мокямъ арадскій, Александръ аркскій (—можетъ быть въ лицѣ пресвитера Тимооея, какъ значится въ нѣкоторыхъ рукописяхъ).

— *Киликійской области*: Діодоръ тарсскій, Кириакъ адаискій, Гезихій епифанійскій, Германъ коркскій, Аерій зефирійскій, Филомузь помпейпольскій, Олимпій мопсуестскій, Филомузь александрійскій.

— *Осрознской области*: Евлогій эдесскій, Витъ харрскій, Авраамій ватнскій, Іованъ гимерійскій.

— *Месопотамской области*: Марей амьдскій, Вать константійскій.

— *Евфратской области*: Θεодотъ іеропольскій, Антиохъ самосатскій, Исидоръ кирскій, Іованъ перрскій, Марій долихскій.

— *Исаорійской области*: Симпосій севекійскій, Филосей иренопольскій, Монтанъ владіопольскій въ лицѣ пресвитера Павла, Гипсистій филиладельфійскій, Маринъ дализандскій, Θεодосій антиохійскій, Артемій титопольскій, Неонъ селянскій, Евсевій ольвійскій, Монтанъ діокесарійскій, Мусоній келендерскій.

— *О. Кипра*: Юлій пафскій, Θεопомпъ тримифунтскій, Тихонъ тамасскій, Мнемій китійскій.

— *Аравійской области*: Агапій и Багадій ¹⁾, Елпидій діопсисадскій, Ураній адразскій, Хилонъ константійскій, Северъ неапольскій.

¹⁾ Изъ подписей не видно, кто были эти лица. Изъ дѣяній константинопольскаго собора 394 г. узнаемъ, что Багадій, еп. города Востры или Востры, былъ низложенъ двумя епископами и на его мѣсто поставленъ Агапій. Очень можетъ быть, что во время 2 вс. соб. Багадій былъ уже епископомъ, а Агапій — пресвитеромъ. Но всего вѣроятнѣе—то, что оба они были въ эту пору пресвитерами и на соборѣ служили представителями своего митрополита.

кесарійскій (въ Палестинѣ), — также Діонисій діоспольскій (исповѣдникъ), Витъ харрескій (знаменитый своимъ благочестіемъ), Авраамій ватцскій (исповѣдникъ), Антиохъ самосатскій, Воспорій колонійскій, Отрій мелитинскій и нѣкоторые другіе.

Съ точностію неизвѣстно, присутствовали ли самъ императоръ

Епископы палестинской области ¹⁾:

Геласій кесарійскій, Кириллъ іерусалимскій, Макеръ іерихонскій, Діонисій діоспольскій (или лиддскій), Прискианъ севастійскій (или самарійскій), Сатурнинъ скинопольскій, Руфъ никопольскій (или эммаусскій), Авксентій аскалонскій, Эліанъ ямнійскій.

Епископы Понтійскаго округа.

— *Каппадокійской области*: Эладій кесарійскій, Григорій нисскій, Теодоръ тіанскій, Воспорій колонійскій, Олимпій парнасскій.

— *Армянской области*: Отрій мелитинскій, Отрій араввскій, Петръ севастійскій.

— *Вивинской области*: Евфразій никомпдійскій, Доросей никейскій, Олимпій неокесарійскій, Θεодуль халкидонскій, Евстафій прузскій.

— *Области Еленопонта*: Пантофилъ иворскій.

— *Области Понта Полемоніакскаго*: Атарвій неокесарійскій—въ лицѣ чтеца Кирилла (по другимъ Кила).

Епископы Асійскаго округа.

— *Ликаонской области*: Амфилохій иконійскій, Кириллъ гомонапдскій, Аристофанъ саватрскій, Цавель листрскій, Евзой корнскій, Дарій мясоейскій, Леонтій пертскій, Θεодосій гядскій, Евстафій канисскій, Дафизъ дервскій, Иларій исаврійскій, Северъ амбладскій.

— *Писидійской области*: Оптимъ антиохійскій, Θεмистій адрианопольскій, Атталъ простамскій, Ананій ададскій, Фавстъ лименскій, Іоній ²⁾ сагаласскій, Каллиникъ тимаудскій, Евстафій матропольскій, Патрикій паралейскій, Лукій неапольскій, Евгений папнапскій, Лонгианъ созопольскій; Авксанонъ, пресвитеръ аламійскій, Вассъ пресвитеръ, представитель филемелійскаго еп. Θεосевія.

— *Памфилійской области*: Трояль сидскій, Гай лирвскій, Лонгинъ коливрасскій, Θεодуль коракезійскій, Гезихій котенскій, Мусоній касскій, Мидъ панемутихскій, Геракльдъ петропелнскій, Θεодуль склейскій, Панемій ариасскій; Эладій, пресвитеръ команскій.

¹⁾ Въ гражданскомъ отношеніи Палестина считалась частью восточнаго діоцеза; но въ церковномъ отношеніи къ концу IV вѣка она повидному стала независимою отъ антиохійскаго епископа. Думать такъ позволяетъ одно письмо бл. Иеронима къ Паммахию, писанное около 390 года.

²⁾ Есть еще чтенія «Іоанья» и «Іовиня». Которое изъ всѣхъ этихъ чтеній вѣрнѣе—рѣшить невозможно.

при открытіи собора. Несомнѣнно лишь одно, что собравшіеся епископы и пресвитеры еще до начала соборныхъ засѣданій представлялись Θεодосію: этого требовалъ и обычай, и новыя отношенія между императорскимъ правительствомъ и православною Церковію. При этомъ представленіи съ особеннымъ вниманіемъ и любовію отнесся императоръ къ предстоятелю антиохійской церкви Мелетію, — обстоятельство, какъ увидимъ ниже, имѣвшее особенное значеніе. „Обласкалъ онъ также, рассказываетъ историкъ, и всѣхъ другихъ и убѣждалъ ихъ, чтобы они, какъ отцы (т. е. внимательно), разсудили о дѣлахъ, подлежавшихъ ихъ разсмотрѣнію“. — Засѣданія собора открылись въ маѣ мѣсяцѣ подъ предсѣдательствомъ уже упомянутого выше антиохійскаго епископа Мелетія. Императоръ почтилъ Мелетія особеннымъ вниманіемъ и выдѣлилъ его изъ числа другихъ представлявшихся ему епископовъ. Основываясь на этомъ, можно съ вѣроятностію предполагать, что предсѣдательство на соборѣ было вручено Мелетію самимъ Θεодосіемъ. Но если и не такъ, то первое мѣсто на соборѣ во всякомъ случаѣ оставалось за нимъ: старѣйшій всѣхъ по лѣтамъ и одинъ изъ самыхъ видныхъ по заслугамъ, св. Мелетій былъ едва ли не самымъ вліятельнымъ епископомъ на всемъ востокѣ; къ тому же онъ былъ епископомъ старѣйшей кафедръ.

— *Лихійской области*: Татіанъ мѣрскій, Піоній хоматскій, Евдимъ Патарскій, Патрикій энаидскій, Луцикинъ лимирскій, Македонъ ксанескій, Романъ вуеонскій, Θεотимъ аракскій, Эрмій вальвурскій.

— *Области Здравой Фриіи* (Phrygiae Salutaris): Вить примнесійскій, Авксаманъ евгарійскій; Тиранпъ, пресвитеръ аморейскій.

— *Обл. Фриіи Пакатіанской*: Нектарій апіанскій; Профутуръ пресвитеръ, представитель еп. евменійскаго Θεодора.

— *Карійской области*: Евдоксій афродисіадскій (или — что тоже — ставропольскій), Леонтіи киворскій.

Епископы Фракійскаго округа.

Григорій константинопольскій.

— *Области мизійской*: Мартирій маркіанопольскій.

— *Скиоской области*: Терентій томскій, Эферій херсонесскій.

— *Области Гемимонта*: Севастіанъ анхіальскій и Агрій. (Городъ, въ которомъ Агрій былъ епископомъ, съ точностію неизвѣстенъ).

Понятно само собою, что разсужденія отцовъ, о которыхъ говорилъ Θεодосій и которыя должны были касаться важныхъ догматическихъ вопросовъ, не могли вестись съ должнымъ безпристрастіемъ и прямою прежде, чѣмъ было возстановлено единеніе между членами собора. Соглашеніе между православными епископами произошло, конечно, безъ всякихъ затрудненій: епископы скоро увидѣли, что сомнѣваться въ православіи другъ друга нѣтъ основаній и что прежнія подозрѣнія были слѣдствіемъ простаго недоразумѣнія. Но когда возникъ вопросъ о соглашеніи съ македоніанами, то оказалось, что причиною раздѣленія служатъ здѣсь не какія нибудь недоразумѣнія между православными и полуаріанами, а дѣйствительное разногласіе сторонъ по вопросамъ вѣры. По свидѣтельству Сократа схоластика, православные епископы всячески старались привести македоніанъ къ союзу и единомыслію съ собою, поставляя на видъ между прочимъ и то, съ какою охотою вступали они въ общеніе съ православными незадолго предъ тѣмъ. Представленія православныхъ епископовъ поддерживалъ и самъ царь; а извѣстно, какимъ значеніемъ пользовалась въ ту пору царская власть. Однако македоніанскіе епископы, во главѣ которыхъ стояли такіе строгіе полуаріане, какъ Элевсій кизикскій и Маркіанъ лампсакскій, упорно отказывались принять даже никейскій символъ. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно съ точностію, на основаніи чего должно было состояться соглашеніе полуаріанъ съ православными: на основаніи ли одной Никейской Вѣры или же такого символа, въ которомъ было раскрыто православное ученіе не только о Сынѣ, но и о Духѣ Святомъ. Съ увѣренностью можно сказать одно, что со стороны православныхъ первымъ условіемъ соглашенія съ полуаріанами было поставлено принятіе послѣдними никейскаго символа. О дальнѣйшихъ условіяхъ, повидимому, не было пока и рѣчи, хотя едвали можетъ быть сомнѣніе относительно того, что, въ случаѣ согласія полуаріанъ на вышесказанное условіе, соборъ не остановился бы на этомъ и предложилъ бы имъ принять православное ученіе также и о Духѣ Святомъ. Если прежде, на-

примѣръ во времена иконійскаго собора, и считали возможнымъ соглашеніе съ македоніанами на основаніи одного никейскаго символа, то только потому, что щадили совѣсть немощныхъ, соблазнявшихся словами, но въ ученіи о Богѣ Духѣ Святомъ не погрѣшавшихъ. Теперь же имѣли дѣло съ дѣйствительными еретиками, которые, не обращая вниманія ни на обличенія, ни на убѣжденія, объявляли, что „они скорѣе признаютъ исповѣданіе арианское, чѣмъ примутъ вѣру въ единосущіе“ Сына съ Отцомъ, и которые, безъ сомнѣнія, съ меньшей рѣшительностью высказались бы и противъ православнаго ученія о Духѣ Святомъ. Такимъ образомъ македоніане не хотѣли сдѣлать даже и той сравнительно не большой уступки, на которую они соглашались прежде, и тѣмъ показывали, что о полномъ соглашеніи съ ними или по крайней мѣрѣ съ тѣми изъ нихъ, которые присутствовали на соборѣ, не можетъ быть и рѣчи. На этомъ дѣло и окончилось, и македоніанскіе епископы удалились изъ Константинополя, не примирившись съ Церковію.

По удаленіи македоніанскихъ епископовъ, православные члены собора прежде всего занялись дѣлами мѣстной церкви. Посвященіе Максима александрійскими епископами и его попытка утвердиться на столичной кафедрѣ, по указаннымъ выше причинамъ, должна была показаться епископамъ явнымъ нарушеніемъ чужихъ правъ и дерзкимъ поправленіемъ церковныхъ канонѳвъ и обычаевъ. Къ тому же восточные епископы и безъ того уже были крайне нерасположены къ александрійцамъ за ихъ пристрастіе къ Павлину. Неудивительно поэтому, если соборъ не только отклонилъ притязанія Максима на константинопольскую кафедру, но даже призналъ незаконнымъ самое его посвященіе и лишилъ его всѣхъ епископскихъ правъ ¹⁾.

¹⁾ См. 4-е прав. Правда, редакція этого правила относится къ позднѣйшему времени; но это не мѣшаетъ предполагать, что соборное опредѣленіе по дѣлу Максима, сформулированное въ 4 прав., въ простой формѣ хотя бы одного уставаго постановленія явилось въ самомъ началѣ собора: это предполагается утвержденіемъ Григорія на кафедрѣ.

Сряду же послѣ этого на соборѣ возникъ вопросъ о томъ, кому быть константинопольскимъ епископомъ. Но дѣятельность св. Григорія Богослова въ столицѣ была слишкомъ извѣстна всему востоку, чтобы касательно этого могло быть какое либо сомнѣніе или колебаніе. Къ тому же соборными совѣщаніями руководилъ въ это время св. Мелетій, питавшій къ Григорію искреннюю любовь и уваженіе. Предъ лицомъ такого предсѣдателя необходимо должны были умолкнуть все возраженія противъ правъ Григорія на константинопольскую кафедру, если бы такія возраженія и были къмъ либо сдѣланы. Но возраженій, повидимому, не послѣдовало, и св. Григорій единогласно былъ утвержденъ въ санѣ столичнаго епископа. Такое рѣшеніе собора вполне согласовалось съ желаніями и самого Григорія. Въ качествѣ столичнаго епископа онъ надѣялся безъ труда прекратить распри между востокомъ и западомъ по антиохійскому вопросу; а это была его завѣтная мечта.

Описываемое время было самымъ свѣтлымъ и мирнымъ въ все продолженіе соборныхъ засѣданій. Скоро умеръ Мелетій, а съ нимъ исчезъ и миръ, доселѣ царствовавшій на соборѣ. Этотъ замѣчательный старецъ, „свѣтлый взоръ котораго, по выраженію св. Григорія Богослова, внушая уваженіе, обуздывалъ дерзость“, заранѣе предвидѣлъ, какая буря разыграется на соборѣ послѣ его смерти. Св. Григорій передаетъ ходившую въ это время молву, что предъ своею смертію Мелетій дѣлалъ „много увѣщаній о примиреніи, какія и прежде — по рассказамъ — дѣлалъ онъ друзьямъ своимъ“. Предсмертныя рѣчи всеми уважаемаго старца однакоже не подѣйствовали на отцовъ собора. Едва только смертныя останки св. Мелетія были вынесены изъ Константинополя и отправлены въ Антиохію, какъ на соборѣ возбужденъ былъ вопросъ о томъ, что дѣлать съ вакантною антиохійскою кафедрой, — вопросъ, по справедливому мнѣнію Григорія, не требовавшій совѣщаній и не обѣщавшій ничего хорошаго. Теперь, казалось, собору не оставалось ничего дѣлать, какъ общими силами содѣйствовать выполненію заключен-

наго въ Антиохіи условія: признать Павлина законнымъ антиохійскимъ епископомъ и затѣмъ предоставить времени взаимное сближеніе обѣихъ православныхъ антиохійскихъ партій. Сами обстоятельства какъ нельзя лучше помогали разрѣшенію этого давняго спора; оставалось только воспользоваться ими. Но не такъ думало большинство членовъ собора и во главѣ ихъ, по выраженію св. Григорія, „буйная толпа молодыхъ людей“, не могшая возвыситься до пониманія истинныхъ интересовъ Церкви и не хотѣвшая знать примирительныхъ стремленій челоуѣка, дѣло котораго она теперь будто бы защищала.

Были однакоже лица, которыя лучше другихъ понимали нужды Церкви и скорѣе другихъ могли отказаться отъ личныхъ симпатій и антипатій. Многое, замѣчаетъ св. Григорій, предложено было съ цѣлю примиренія. Тогда и я, продолжаетъ онъ, съ своей стороны сдѣлалъ предложенія, какія признавалъ лучшими и болѣе способствующими прекращенію церковныхъ нестроеній. „Мнѣ кажется, говорилъ онъ отцамъ, что не всѣ вы равно постигаете дѣло, и хотите, чтобы слово мое касалось не того именно, о чемъ надлежитъ теперь разсуждать, но какъ можно далѣе уклонилось отъ необходимаго вопроса“ (Твор. Гр. Богосл. VI, 55). Изъ этихъ и особенно послѣдующихъ словъ св. отца видно, что крайніе приверженцы Мелетія, зная привязанность къ нему Григорія, хотѣли и его склонить на свою сторону. А это была бы для нихъ большая находка: голосъ Григорія, какъ предсѣдателя собора (—со времени смерти Мелетія), по тому самому долженъ былъ имѣть особенный вѣсъ. Но Григорій не умѣлъ, какъ другіе, жертвовать общимъ благомъ Церкви личнымъ симпатіямъ или—что еще хуже—самолюбію и эгоизму, которыми несомнѣнно руководились многіе изъ этихъ мнимыхъ читателей памяти св. Мелетія. Намъ должно, говорилъ св. Григорій на соборѣ, рѣшать вновь поднятый вопросъ съ высшей точки зрѣнія, помня лишь одно — искупленіе *всего* міра кровію Божечеловѣка. Если бы лица, изъ-за которыхъ идетъ споръ, были даже ангелами, то и въ такомъ случаѣ, по мысли Григорія,

они не заслуживали бы того, чтобы изъ-за нихъ волновались и ссорились призванные къ миру христіане. Пока живъ былъ Мелетій, защита его правъ была еще естественна. Но теперь его не стало, и уже ничто не мѣшаетъ прекратить расколъ, предоставивъ каеедру Павлину. „Да утихнетъ наконецъ“—говорилъ Григорій въ порывѣ охватившаго его чувства, „да утихнетъ эта буря, волнующая міръ! Сжались надъ тѣми, которые впади теперь въ расколъ, или близки къ нему, или могутъ впасть впоследствии. Никто изъ насъ да не пожелаетъ извѣдать на опытѣ, чѣмъ это кончится... Пусть западные (сторонники Павлина) побѣдятъ насъ въ маломъ, чтобы самимъ намъ одержать важнѣйшую побѣду — спасти міръ, гибнущій отъ нестроений“.

Такъ или почти такъ говорилъ Григорій на соборѣ. Одушевленная рѣчь предсѣдателя, казалось, должна была произвести свое дѣйствіе. Но духъ партіи, овладѣвшій соборомъ, былъ слишкомъ силенъ, чтобы можно было рассчитывать при этомъ на трезвое и безпристрастное обсужденіе дѣла. Потому нисколько не удивительно, что по окончаніи рѣчи Григорія въ собраніи поднялась настоящая буря. Прежде всего выступили противъ Григорія болѣе молодые изъ членовъ собора, задѣтые за живое его правдивой и рѣзкой рѣчью, въ которой онъ безошадно бичевалъ ихъ служеніе Церкви не ради самой Церкви, а ради корысти и отличій. Но они далеки были отъ спокойнаго разбора только что выслушанной рѣчи и подъ давленіемъ обуявшей ихъ страсти только кричали. „Они“—съ горькой ироніей замѣчаетъ Григорій—„походили на ось, которая мечется туда и сюда и всякому бросаются прямо въ лицо“. „Это было тоже, что стадо галокъ, собравшееся въ одну кучу... Вступать въ совѣщаніе съ такими людьми не пожелалъ бы никто изъ имѣющихъ уваженіе къ епископскому сану“.

Но такое страстное и неосмысленное отношеніе къ дѣлу было еще простительно или по крайней мѣрѣ понятно въ молодыхъ лю-

дяхъ. Къ удивленію, крикунамъ удалось увлечь за собою и старцевъ, которыхъ самый возрастъ располагалъ повидимому къ благоумію и мудрой осмотрительности въ поступкахъ. Эти старцы, примкнувъ къ своимъ младшимъ собратьямъ, старались однакоже оправдать свое поведеніе нѣкоторыми доводами. Востокъ, разсуждали они, имѣеть предпочтеніе предъ западомъ, потому что отсюда возсіяло спасеніе человѣчества, какъ отсюдаже возсіяваетъ и солнце. Послѣ этого естественно ли, чтобы востокъ уступилъ западу въ антиохійскомъ дѣлѣ и, предоставивъ кафедрѣ Павлину, съ тѣмъ вмѣстѣ сознался въ своей прежней несправедливости къ нему?! Доводы очень характерные.

Григорій не успѣлъ въ своихъ стремленіяхъ, и, судя по настроенію большинства, въ ближайшемъ будущемъ можно было предвидѣть формальное постановленіе собора о назначеніи новаго епископа въ Антиохію на мѣсто Мелетія. Очень можетъ быть, что въ эту пору былъ уже намѣченъ и кандидатъ на вновь открывшуюся кафедру. Понятно, какъ долженъ былъ возмущаться этимъ правдивый и искренно преданный благу Церкви Григорій вмѣстѣ съ немногими изъ сочувствовавшихъ ему епископовъ. Равно понятно и то, что чѣмъ сильнѣе настаивалъ онъ на своей мысли, тѣмъ больше падало его вліяніе на соборѣ. Соборныя засѣданія представляли картину такого волненія и борьбы страстей, что Григорій, потерявшій уже надежду провесть свое мнѣніе, радъ былъ подъ предлогомъ болѣзни, которая нерѣдко и подолгу держала его безвыходно дома, вовсе не являться на засѣданія собора.

Между тѣмъ у него больше и больше крѣпло рѣшеніе совѣмъ оставить не только соборъ, но и городъ, такъ какъ повидимому между нимъ и многими членами собора произошли важныя столкновенія не только по антиохійскому вопросу, но еще также изъ-за допущенія на соборъ нѣкоторыхъ епископовъ. „Этотъ многочисленный сбродъ христопродавцевъ“ — говорилъ онъ объ епископахъ, перемѣняющихъ вѣру въ угоду времени, — „тогда развѣ допущу на соборъ, когда и грязь стануть примѣшивать къ благоуханію чистаго мвра...“

Это были по всей вѣроятности приверженцы арианства или же македоніанства (изъ числа строгихъ), въ глубинѣ души оставшіеся при своихъ прежнихъ воззрѣніяхъ и лишь по видимости, изъ страха преслѣдованій или по расчету, принявшіе православіе. Отъ бдительнаго взора св. Григорія не могла укрыться эта двойственность, и онъ не преминулъ разоблачить лицемѣріе этихъ сознательныхъ еретиковъ, не щадя ихъ, какъ щадилъ онъ другихъ неправомыслящихъ, которые, по его выраженію, „были уловлены двусмысленностью (еретическихъ) ученій и для которыхъ извиненіемъ служило невѣдѣніе зла“, сокрытаго подъ благовиднымъ покровомъ этихъ ученій. Такимъ образомъ св. Григорій по тѣмъ или другимъ причинамъ разошелся почти со всеми членами собора, и потому нисколько не удивительно, если онъ съ прежней настойчивостью продолжалъ избѣгать соборныхъ засѣданій и даже рѣшился было совсѣмъ покинуть Константинополь, и только необыкновенное сочувствіе къ нему народа и лучшихъ членовъ собора удержало его на время здѣсь.

Чѣмъ занимался соборъ въ это время, неизвѣстно; одно можно сказать не колеблясь, что характеръ соборныхъ засѣданій въ эту пору нисколько не измѣнился къ лучшему.

Къ старымъ несогласіямъ скоро присоединились новыя. Толчокъ къ нимъ данъ былъ прибытіемъ въ Константинополь египетскихъ (Тимофея, еп. александрійскаго, Дорофея, еп. оксиринхскаго, и по всей вѣроятности нѣкоторыхъ другихъ) и македонскихъ епископовъ съ Асхоліемъ, еп. ѳессалоникскимъ, во главѣ. Нѣкоторые изъ ревнителей церковнаго мира ожидали, что съ прибытіемъ этихъ епископовъ покончатся соборныя нестроенія. Случилось однако какъ разъ наоборотъ: вновь прибывшіе епископы, вмѣсто утвержденія мира, для котораго они специально были призваны, лишь оживили прежніе споры и ссоры и дали имъ новую пищу. Не говоримъ уже о несогласіи ихъ съ мнѣніемъ большинства по антиохійскому вопросу; но они также опротестовали выборъ Григорія на константинопольскую кафедру, и—замѣчательно—не по враждѣ къ нему,

не съ цѣлю доставить эту кафедру кому-либо изъ своихъ, но единственно потому, какъ свидѣтельствуеть Григорій и какъ говорили они сами, чтобы „привести въ затрудненіе возводившихъ Григорія на престоль, находя для себя несносною ихъ заносчивость“, т. е., говоря проще, чтобы сдѣлать имъ на зло, досадить имъ. Но такъ какъ нужно же было какъ нибудь мотивировать свой протестъ, то они сослались на извѣстное постановленіе никейскаго собора: „ни епископъ, ни пресвитеръ, ни діаконъ не должны переходить изъ города въ городъ. Если же кто... покусится на что-либо подобное, то виновный долженъ возвратиться къ Церкви, для которой онъ поставленъ“.

Съ точностію неизвѣстно, что отвѣчали на это защитники Григорія. Но основываясь на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ Григорія и церковныхъ историковъ можно съ вѣроятностію предполагать, что они больше всего старались доказать непримѣнимость названнаго правила къ настоящему случаю. Никейское постановленіе — такъ вѣроятно рассуждали они вслѣдъ за св. Мелетіемъ — имѣеть цѣлю устранить одинъ изъ „поводовъ къ расчетамъ честолюбія“. Между тѣмъ, переводя Григорія въ Константинополь, отцы не хотѣли и не могли потворствовать подобнымъ расчетамъ по той простой причинѣ, что ихъ не было у Григорія. Но если даже и признать, что Григорій былъ переведенъ съ сасимской на константинопольскую кафедру вопреки правилу никейскаго собора, все же права его на эту кафедру безспорны: на своемъ теперешнемъ мѣстѣ онъ утвержденъ былъ цѣлымъ соборомъ, опредѣленіе котораго равносильно постановленію никейскихъ отцовъ. Къ тому же Григорій, строго говоря, не былъ даже переведенъ съ одной кафедры на другую: онъ никогда не былъ дѣйствительнымъ сасимскимъ епископомъ, какъ не былъ и назіанскимъ епископомъ. Такъ рассуждали тѣ изъ отцовъ, которые принимали никейское постановленіе и лишь позволяли себѣ толковать его согласно собственному пониманію. Другіе напротивъ вслѣдъ за Григоріемъ доказывали недѣйствительность самаго правила, называя его устарѣвшимъ и давно уже

не дѣйствующимъ закономъ. Такого рода аргументація, конечно, не могла казаться неопровержимою, особенно послѣдній ея пунктъ, и противники Григорія съ полнымъ правомъ (съ точки зрѣнія каноновъ) могли замѣтить, что если даже признать никейское правило устарѣвшимъ, то во всякомъ случаѣ его можетъ отмѣнить только вселенскій соборъ; между тѣмъ соборъ восточныхъ отцовъ, рѣшившихъ дѣло Григорія въ отсутствіе египетскихъ и западныхъ епископовъ, не можетъ притязать на значеніе вселенскаго собора. Возраженія эти получали еще особенный вѣсъ въ виду того, что ихъ поддерживалъ римскій епископъ. Потому ли, что папа Дамась не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній о плодотворной дѣятельности св. Григорія въ Константинополѣ, или не любилъ въ немъ приверженца Мелетія, или наконецъ, хотѣлъ быть строгимъ блюстителемъ правилъ,—какъ бы то ни было, только онъ не признавалъ правъ Григорія на константинопольскую кафедру и въ письмѣ къ македонскимъ епископамъ (имѣвшемъ значеніе какъ бы инструкціи) убѣждалъ ихъ противиться отмѣнѣ никейскаго правила и позаботиться о выборѣ, на мѣсто Григорія, другаго достойнаго епископа.

Въ своемъ протестѣ египетскіе и македонскіе епископы не оставались одинокими: имъ *должны* были внутренно сочувствовать и многіе изъ восточныхъ епископовъ, хотя и по другимъ причинамъ. Если эти епископы (разумѣемъ большинство) и защищали права Григорія, то лишь изъ уваженія къ памяти Мелетія и изъ желанія противорѣчить египтянамъ. По всей вѣроятности имъ не хотѣлось также открыто сознаться въ нарушеніи каноновъ и признать незаконнымъ опредѣленіе, сдѣланное ими же самими. Тѣмъ не меньше въ глубинѣ души эти защитники Григорія рады были тому обороту, какой принимало его дѣло. Григорій все это видѣлъ и понималъ. Онъ былъ оскорбленъ невниманіемъ собора къ его заслугамъ, дававшимъ ему полное право на занятіе столичной кафедры и даже обязывавшимъ соборъ признать именно его, Григорія, епископомъ столицы, хотя бы то было и вопреки буквѣ каноновъ; его тяготили всѣ эти споры изъ-за него же самаго, споры, не обѣщав-

шіе нічого хорошаго для Церкви, -- и подь вліяніемъ этихъ-то разнородныхъ ощущеній онъ теперь окончательно рѣшился на давно задуманный имъ шагъ. Во время одного изъ соборныхъ засѣданій, когда споры изъ-за Григорія велись съ обычной страстностью, онъ выступилъ на средину собранія и заявилъ о своемъ рѣшительномъ намѣреніи отказаться отъ занимаемаго имъ мѣста. Въ рѣчи, произнесенной имъ по этому случаю, онъ горячо убѣждалъ отцовъ собора оставить эти безконечныя пререканія, вызванныя и питаемая страстью, и спокойно и единодушно приступить къ обсужденію другихъ вопросовъ, давно уже стоявшихъ на очереди. „Долго ли“, говорилъ онъ, „будутъ смѣяться надъ нами, какъ надъ людьми неукротимыми, которые научились одному только — дышать ссорами“. — По видимому, епископы съ радостію должны были ухватиться за открывшійся теперь благовидный предлогъ — отдѣлаться отъ человѣка, который своими достоинствами и вліяніемъ на народъ возбуждалъ въ нихъ зависть, а своими рѣзкими обличеніями ихъ образа дѣйствій уже не разъ до глубины души возмущалъ ихъ. Однако, чтобы соблюсти приличіе, они не дали сразу своего согласія на его отставку. Нечего и говорить, что египетскіе и македонскіе епископы были вполне довольны такимъ оборотомъ дѣла.

Съ смѣшаннымъ чувствомъ оставилъ Григорій собраніе. По его словамъ, онъ радовался открывшейся теперь возможности успокоиться отъ волненій и трудовъ, неизбѣжныхъ въ положеніи столичнаго епископа, и въ то же время скорбѣлъ при мысли о томъ, что будетъ съ его паствой и какъ она приметъ извѣстіе объ оставленіи имъ кафедры. — Между тѣмъ соборъ, въ присутствіи Григорія затруднявшійся или, лучше, стыдившійся принять его отставку, сдѣлалъ это тотчасъ же послѣ его удаленія изъ собранія. Къ чести собора должно впрочемъ замѣтить, что его рѣшеніе не было единогласнымъ: многіе и слышать не хотѣли о томъ, чтобы столичная кафедра была предоставлена кому либо другому, кромѣ Григорія, и послѣднему стоило не малаго труда уговорить своихъ приверженцевъ не противиться волѣ собора и его собственной.

Слишкомъ много знаковъ участія видѣлъ Григорій со стороны своей паствы, такъ что онъ счолъ своимъ долгомъ торжественно, какъ прилично любимому и уважаемому епископу, проститься съ нею. Притомъ ему нужно было публично оправдаться въ своемъ поведеніи и въ своихъ дѣйствіяхъ по должности столичнаго епископа. Это онъ и исполнилъ въ своемъ извѣстномъ прощальномъ словѣ къ константинопольской паствѣ и отцамъ собора, которые повидимому въ полномъ составѣ присутствовали при произнесеніи этого слова. Это слово слишкомъ хорошо характеризуетъ и самаго Григорія и его собратій, такъ что мы считаемъ нужнымъ сдѣлать изъ него подробныя выписки. Раскрывъ прежде всего, въ какомъ жалкомъ положеніи нашель онъ православную общину въ Константинополѣ и въ какомъ цвѣтущемъ состояніи оставляетъ ее теперь, св. Григорій очевиднымъ для всѣхъ образомъ доказывалъ здѣсь, какъ важна была его дѣятельность въ столицѣ и какъ безукоризненно было его поведеніе здѣсь въ качествѣ православнаго епископа. Однакоже—не безъ горечи просиль онъ отцовъ— „успокойте меня отъ долговременныхъ трудовъ и введите на мое мѣсто другаго, у кого руки чисты, у кого слово не неразумно, кто могъ бы во всемъ васъ удовольствовать и нести съ вами попеченія о церкви... Я усталъ, слушая обвиненія, взводимыя на меня,—усталъ, препираясь и съ словомъ и съ завистію, съ врагами и съ своими... Если бы я былъ кормчій и даже самый знающій, но окружало насъ обширное море, бурно волнующееся вокругъ корабля, и въ тоже время между пассажирами начался сильный мятежь, всѣ спорили бы о томъ и о другомъ и заглушали бы другъ друга,—я, сидящій у кормила, долго ли могъ бы бороться и съ моремъ и съ пловцами и безбѣдно спасать корабль отъ двойной бури?“ Касаясь далѣе взводимыхъ на него обвиненій въ излишней и необычной снисходительности къ еретикамъ, св. Григорій между прочимъ замѣчалъ: „говорять: не столько ли мы терпѣли, что невозможно и пересказать всѣхъ бѣдствій? А чѣмъ же мы отплатили причинившимъ намъ эти бѣдствія? Между тѣмъ возможность дѣйствовать возвращена намъ?“ „Мы стали сильны“—

отвѣчалъ на это Григорій— „а гонители разбѣжались. И это, по моему мнѣнію, достаточное наказаніе обидчикамъ“. „Можетъ быть, продолжалъ ораторъ, и за то будутъ порицать меня (какъ уже и порицали), что нѣтъ у меня ни богатаго стола, ни соотвѣтственной сану одежды, ни торжественныхъ выходовъ, ни величавости въ обхожденіи“. „Не зналъ я“—съ ироніей замѣчалъ онъ на это, „что мнѣ должно состязаться во всемъ этомъ съ консулами, правителями областей, знатнѣйшими изъ военачальниковъ, которые не знаютъ, куда расточить свое богатство,—что и мнѣ, роскошествуя на счетъ бѣдныхъ, надобно обременять свое чрево... Не зналъ, что и мнѣ надобно ѣздить на отличныхъ коняхъ, высится на колесницѣ,—что и мнѣ должны быть встрѣчи, подобострастные приемы, что всѣ должны давать мнѣ дорогу и разступаться предо мною, какъ предъ дикимъ звѣремъ“. Повторивъ затѣмъ просьбу отпустить его, ораторъ продолжалъ: „Кого же, скажете вы, поставимъ вмѣсто тебя?—Узрѣть Господь Себѣ пастыря для начальствованія, какъ узрѣлъ Онъ овца во всеожженіе. Только сего одного требую, чтобы онъ былъ изъ числа возбуждающихъ зависть, а не сожалѣніе,—изъ числа не всякому во всемъ уступающихъ, но умѣющихъ въ иномъ случаѣ и воспротивиться для большаго блага“.

Невѣроятно, чтобы Григорій еще долго оставался въ Константинополѣ послѣ того, какъ онъ держалъ предъ соборомъ эту рѣчь, въ которой было высказано имъ такъ много горькихъ истинъ для его собратій и гдѣ онъ съ такою рѣзкостію глубоко-оскорбленнаго человѣка выступилъ противъ худшихъ изъ епископовъ того времени. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Григорія по всей вѣроятности уже не было въ Константинополѣ. Но цѣль, которой онъ пытался достигнуть на соборѣ, не выходила изъ его головы. Вотъ что писалъ онъ въ эту пору къ Софронію ипάρχу: „васъ прошу я употребить все тщаніе, чтобы теперь по крайней мѣрѣ, если не прежде, пришли въ согласіе и единство части вселенной (т. е. имперіи), ко вреду раздѣлившіяся, особенно если дознаете, что раздоръ у нихъ (т. е.

членовъ собора) не изъ-за вѣры, а изъ-за частныхъ мелочныхъ притязаній, какъ замѣтилъ я“.

Что же происходило въ это время на соборѣ?

Послѣ того, какъ Григорій формально отказался отъ престола и его отставка была принята императоромъ, соборъ естественно прежде всего занялся выборомъ новаго лица на его мѣсто. Важность каедръ побудила императора Феодосія пригласить членовъ собора отвѣстись къ этому дѣлу какъ можно серьезнѣе и безпристрастнѣе. Однакожь епископы остались вѣрны себѣ: каждый считалъ достойнымъ хиротоніи кого-либо изъ своихъ и никто не хотѣлъ уступить другому, такъ что въ концѣ концовъ соборъ рѣшительно не могъ сказать, кого же собственно назначаетъ онъ на каедръ. По всей вѣроятности дѣло не обошлось при этомъ безъ интригъ и неудовольствій между членами. Что же удивительнаго, если царь, наскучивъ этой безурядицей, въ концѣ концовъ предоставилъ себѣ выборъ епископа въ свою столицу? И это, безъ сомнѣнія, былъ самый лучший исходъ изъ затрудненія: не вмѣшайся императоръ въ это хотя и исключительно церковное дѣло, отцы собора только перессорились бы, а кандидата на епископію все-таки, по всей вѣроятности, не избрали бы. „Царь, рассказываетъ историкъ, повелѣлъ епископамъ написать на бумагѣ имена тѣхъ, которыхъ каждый считалъ достойными рукоположенія, а себѣ самому предоставилъ избраніе одного изъ нихъ“. Въ число этихъ кандидатовъ попалъ нѣкто Нектарій, исправлявшій въ то время должность константинопольскаго претора, — человекъ даже еще некрещеный. Списокъ кандидатовъ былъ представленъ государю и онъ избралъ Нектарія, вѣроятно, потому, что Нектарій былъ ему извѣстенъ болѣе всѣхъ другихъ кандидатовъ и извѣстенъ притомъ съ хорошей стороны, какъ хорошій чиновникъ. По словамъ историка, это „странное“ избраніе возбудило общее удивленіе. Да и было чему удивляться: личность Нектарія не была изъ особенно выдающихся даже и по своимъ нравственнымъ качествамъ. Правда, Созоменъ вслѣдъ за Сократомъ Схоластикомъ называетъ Нектарія „че-

ловѣкомъ самымъ кроткимъ, добрымъ и достойнымъ“. Но тотъ же историкъ приводитъ иной отзывъ о себѣ самого же Нектарія, заставляющій признать, что историкъ назвалъ Нектарія „достойнымъ“ просто по своему добродушію. „Я“ — говорилъ впоследствии Нектарій своему домашнему врачу Мартирію, котораго онъ хотѣлъ рукоположить во діакона и который отказывался отъ этой чести по своему недостоинству, — „я—нынѣ іерей (ιερεὺς), а не гораздо ли хуже тебя провелъ прежнюю свою жизнь, какъ самъ ты знаешь, — ты, столь часто услуживавшій различнымъ моимъ страстямъ“. Въ чемъ состояло это услуживанье креатуръ тогдашнихъ магнатовъ, понятно само собою. Послѣ этого отзыва о себѣ самаго Нектарія почти уже излишне приводить другія доказательства его довольно распущенной жизни до принятія священнаго сана. Укажемъ только одно—отзывъ св. Григорія, человѣка совершенно неспособнаго къ завѣдомой лжи. Онъ называетъ послѣдняго дурнымъ человѣкомъ, „которому не надлежало бы приближаться къ священнымъ дверямъ“, котораго т. е. во-все не слѣдовало бы принимать ни въ какой священный чинъ. Впрочемъ не совсѣмъ чистая и безукоризненная жизнь свѣтскихъ людей была совершенно въ духѣ того времени, и Нектарій не составлялъ какого-либо исключенія въ этомъ отношеніи. По всей вѣроятности никто и не обратилъ бы на это вниманія, если бы не была еще въ свѣжей памяти у всѣхъ высокая, почти подвижническая жизнь Григорія. Но что особенно заставляло удивляться этому выбору, то это совершенная неподготовленность (если не сказать—неспособность) новоизбраннаго къ учительству, которое въ ту пору считалось главной обязанностью епископа. Если Нектарій и пользовался какой нибудь извѣстностью, то во всякомъ случаѣ какъ государственный человѣкъ, пожалуй—какъ добрый человѣкъ, но всего менѣе какъ богословъ. Между тѣмъ его предшественникъ, безукоризненный по жизни, славился также своими учено-богословскими трудами, не говоря уже объ его проповѣдническомъ талантѣ, который высоко цѣнили сами еретики; а это много значило въ ту пору. Вообще безъ преувеличенія, ка-

жется, можно сказать, что вновь избранный епископъ не могъ идти ни въ какое сравненіе съ своимъ предшественникомъ по каедрѣ. Это, конечно, заставляло отцовъ относиться къ нему еще строже. Не удивительно поэтому, что выборъ императора, какъ свидѣтельствуемъ историкъ, вызвалъ даже возраженія нѣкоторыхъ епископовъ, въ томъ числѣ и египетскихъ. Возражали конечно одни лучшіе люди, которыхъ соблазняло и то, что Нектарій не обладалъ тѣми качествами, какія, по ихъ мнѣнію, необходимо долженъ былъ имѣть столичный епископъ, и то, что онъ не только не былъ въ клирѣ, но даже не былъ и крещенъ. Но было уже поздно: императоръ остался при своемъ мнѣніи, тѣмъ болѣе, что противъ его выбора, по всей вѣроятности, возражало лишь меньшинство, смѣльчаки; большинство сочло за лучшее не гнѣвить императора ни къ чему не ведущимъ протестомъ. Какъ бы то ни было, только всѣ члены собора въ концѣ концовъ, по характерному выраженію историка, „согласились съ опредѣленіемъ самодержца“. Нектарій былъ крещенъ, непосредственно за симъ нареченъ во епископа, а вѣкорѣ и рукоположенъ въ присутствіи всѣхъ членовъ собора и самого императора.

Мы переходимъ теперь къ самому важному періоду въ исторіи собора. Судя по всему, именно къ этому времени относятся тѣ каноническія и особенно догматическія его опредѣленія, въ которыхъ заключается все значеніе этого собора въ исторіи церкви въ отличіе отъ другихъ помѣстныхъ соборовъ, къ числу которыхъ онъ принадлежалъ по своему составу, и его право на названіе „вселенскаго собора“. Къ сожалѣнію, за полнымъ отсутствіемъ данныхъ, нѣтъ никакой возможности въ послѣдовательномъ порядкѣ прослѣдить ходъ соборныхъ преній въ эту пору, безъ сомнѣнія, столь же, оживленныхъ и столь же, если еще не болѣе интересныхъ, чѣмъ разсмотрѣнныя выше, и указать степень и характеръ участія въ нихъ отдѣльныхъ членовъ собора. Поэтому остается лишь войти въ изслѣдованіе тѣхъ немногихъ памятниковъ, которые сохранились отъ этого собора, и сопоставляя ихъ одинъ съ другимъ и съ не-

многими свидѣтельствами церковныхъ историковъ и писателей, показать, что постановилъ соборъ послѣ избранія Нектарія, въ періодъ его предѣдательства на соборѣ, и какія побужденія руководили или могли руководить имъ при составленіи того или другаго опредѣленія.

Остановимся прежде всего на соборныхъ вѣроопредѣленіяхъ.

Въ своемъ посланіи къ императору Θεодосію отцы собора между прочимъ говорятъ, что они „изрекли краткія опредѣленія (συντόμοις ἄροις), въ которыхъ утвердили вѣру отцовъ, собравшихся въ Никее, и осудили возникшія противъ нея ереси“. При сопоставленія этихъ словъ съ послѣдующими словами въ томъ же посланіи оказывается, что свои „краткія опредѣленія“ соборъ отличаетъ отъ канонѳвъ. Отсюда мы вправѣ сдѣлать слѣдующія два заключенія: 1) такъ называемое 1-е правило II всел. собора, въ которомъ (правилѣ) содержится подтвержденіе никейскаго символа и осужденіе различныхъ ересей, первоначально не относилось къ канонамъ, но составляло часть соборнаго вѣроопредѣленія. 2) названное правило, котораго нельзя разложить даже на два сколько нибудь цѣльныхъ и законченныхъ опредѣленія (ἄροις), не говоря уже о многихъ или нѣсколькихъ, не обнимаетъ всего того, что опредѣлилъ соборъ касательно вѣры. Въ чемъ же состояли эти опредѣленія? Отвѣтъ на это даютъ сами же отцы собора въ своемъ посланіи къ западнымъ епископамъ отъ 382 года. Довольно подробно изложивъ свое ученіе о Троицѣ и воплощеніи, они за бѳльшими еще подробностями предлагаюгъ обратиться читателямъ „къ тому свитку (τόμῳ), который написанъ бывшимъ въ Антиохіи (въ 378 г.) соборомъ“ (состоявшимъ изъ тѣхъ же лицъ, какъ и вселенскій соборъ), „либо къ тому, который въ прошломъ году изданъ вселенскимъ соборомъ константинопольскимъ. Въ нихъ—говорятъ отцы—мы пространнѣе исповѣдали (πλάττερον ὁμολογήσαμεν) свою вѣру“. Разумѣть подъ этимъ вторымъ свиткомъ или томомъ одинъ никеонареградскій символъ нѣтъ никакихъ основаній. По связи рѣчи въ названномъ посланіи можно догадываться, что этотъ „томъ“ содержалъ въ себѣ

подробное изложеніе вѣры именно въ виду тогдашнихъ ересей: евноміанской, македоніанской, аполинаристской и даже савелліанской. Между тѣмъ если сравнить такъ называемый Никеоцареградскій символъ съ изложеніемъ вѣры въ посланіи, то окажется, что этотъ символъ въ тѣхъ частяхъ, какія принадлежать 2-му всел. собору, не только не полнѣе, но даже короче изложенія вѣры въ посланіи. На этомъ основаніи можно, кажется, признать за несомнѣнное, что второй вселенскій соборъ составилъ недошедшее до насъ подробное вѣроопредѣленіе, въ которое, какъ часть только, входилъ быть можетъ и никеоцареградскій символъ и которое по всей вѣроятности заканчивалось теперешнимъ первымъ правиломъ (канонѣмъ): анаѳематство ересей (а оно и составляетъ содержаніе этого правила) было въ то время обычнымъ заключеніемъ каждаго вѣроопредѣленія какъ православнаго, такъ и еретическаго.

Но подробное вѣроопредѣленіе, какъ уже замѣчено, не дошло до нашего времени, и единственнымъ памятникомъ дѣятельности собора по раскрытію православнаго ученія остается такъ называемый Никеоцареградскій символъ. Правда, тѣ добавленія, какія больше всего отличаютъ этотъ символъ отъ Никейской Вѣры, принадлежать не второму вселенскому, но какому нибудь другому православному собору, происходившему приблизительно лѣтъ за 20 до него. Правда также и то, что никейскій символъ, снабженный всѣми упомянутыми добавленіями, еще за нѣсколько лѣтъ до вселенскаго собора былъ въ церковномъ употребленіи на о. Кипрѣ и въ Малой Азіи. Тѣмъ не меньше на долю константинопольскихъ отцовъ оставалось еще не мало труда, и этотъ трудъ состоялъ прежде всего въ сокращеніи никейскаго символа. Отцы втораго вселенскаго собора знали, что выраженіе никейскихъ отцовъ о Сынѣ Божіемъ: „(рожденнаго) изъ сущности Отца“, совершенно православное въ устахъ никейскихъ отцовъ, подвергалось превратному истолкованію еретиковъ, пробуждая въ нихъ представленіе о тѣлесномъ образѣ происхожденія Сына отъ Отца и какъ бы о двойствѣ сущностей. Желая устранить всякій поводъ къ такому толкованію, которое по

неразумію раздѣляли даже многіе изъ православныхъ, отцы собора нашли возможнымъ совѣтъ исключить это выраженіе изъ символа, тѣмъ больше, что оно не прибавляетъ ничего новаго для православнаго смысла. По той же причинѣ они опустили выраженіе: „какъ на небѣ, такъ и на землѣ“, стоявшее въ никейскомъ символѣ послѣ словъ (во 2 членѣ): „черезъ Котораго все произошло“. Во время втораго вселенскаго собора это выраженіе могло служить прикрытіемъ для македоніанъ, учившихъ, что Духъ Святой созданъ черезъ Сына. Наконецъ соборъ выпустилъ анаѳематство, которое было умѣстно въ вѣроопредѣленіи, но не въ символѣ.

Указанныя сокращенія безспорно принадлежатъ самому собору. Что же касается дополненій къ никейскому символу, то всѣ они, какъ извѣстно, заимствованы изъ „Апостольской Вѣры церкви кипрской и церковей малоазійскихъ“. Соборъ лишь пересмотрѣлъ эти добавленія и подтвердилъ ихъ, какъ вполне умѣстныя въ символѣ, назначенномъ для церковнаго и домашняго употребленія. Вотъ важнѣйшія изъ нихъ: во 2 членѣ: (рожденнаго) „*прежде встѣхъ вѣковъ*“ (противъ аріанъ); въ 3 членѣ: (воплотившагося) „*отъ Духа Святаго и Дѣвы Маріи*“ (противъ анолинаристовъ, отвергавшихъ, что Христосъ есть истинный и полный человекъ, во всемъ подобный намъ, кромѣ грѣха); въ 7 членѣ: „*Котораго Царству не будетъ конца*“ (противъ маркелліанъ, признававшихъ конецъ царства Христова). Дальнѣйшія добавленія составляютъ цѣлые члены нашего символа (8—12 членъ), которыхъ во все не было въ никейскомъ символѣ, за исключеніемъ первыхъ словъ 8 члена: (вѣрую) „*и въ Духа Святаго*“. Самымъ важнымъ изъ этихъ добавленій былъ 8-й членъ, направленный противъ ереси македоніанской или духоборческой, чрезвычайно сильной и распространенной въ ту пору. Остальные члены также направлены противъ разныхъ заблужденій. Такъ 9-й членъ обличалъ самообольщеніе всѣхъ вообще еретическихъ общинъ, изъ которыхъ каждая только себя одну считала истинно—православною церковію, и въ частности заблужденіе евноміанъ, отвергавшихъ преданіе и непрерывную связь

церкви съ апостольскою церковію. Принимая 10-й членъ, соборъ во всей вѣроятности хотѣлъ разсѣять недоумѣнія тѣхъ изъ неправомыслящихъ, которые при переходѣ въ православіе перекрещивались и которые поэтому могли думать, что православная церковь принимаетъ два крещенія. Что касается 11 и 12 членовъ, то они прибавлены были для того, чтобы сообщить символу законченность, а съ тѣмъ вмѣстѣ приблизить его къ обычной формѣ восточныхъ символовъ. — Остальныя менѣе важныя добавленія, касавшіяся буквы, сдѣланы были для того, чтобы придать мысли большую опредѣленность. Таковы слѣдующія выраженія: (Творца) „неба и земли“ (въ 1 членѣ), (сшедшаго) „съ небесъ“ (въ 3 чл.), „распятаго за насъ при Понтѣ Пилатѣ“, (страдавшаго) „и погребеннаго“ (въ 4 чл.), (воскресшаго въ третій день) „по Писаніямъ“ (5 чл.), (восшедшаго на небеса) „и сядящаго одесную Отца“ (6 чл.), (и опять грядущаго) „со славою“ (судить живыхъ и мертвыхъ)—въ 7 членѣ. Всѣ эти добавленія цѣликомъ были взяты изъ упомянутой выше „Апостольской Вѣры церкви кипрской и церковей малоазійскихъ“. Почему соборъ, при составленіи своего символа, во всемъ, даже въ выраженіяхъ, предпочелъ слѣдовать уже готовому символу, понять не трудно. Кромѣ того, что этотъ символъ, какъ символъ, былъ достаточно точенъ и полонъ, онъ былъ такъ сказать освященъ употребленіемъ въ нѣсколькихъ помѣстныхъ церквахъ. Составивъ свой символъ, хотя бы изъ выраженій еще болѣе точныхъ (въ виду тогдашнихъ ересей), соборъ легко могъ возбудить недоумѣнія, чему въ исторіи церкви уже были примѣры.

Составляя свое и авторизуя сдѣланное раньше вѣроопредѣленіе, вселенскій соборъ имѣлъ конечно въ виду дать церкви между прочимъ средство, при помощи котораго она могла бы отличать и отдѣлять еретиковъ отъ своихъ истинныхъ чадъ. Однако онъ счелъ еще нужнымъ прямо назвать еретиковъ и объявить ихъ отлученными отъ церкви, потому что таковъ былъ обычай того времени. Во всѣхъ вѣроопредѣленіяхъ, которыми такъ богатъ IV вѣкъ и которыя составлялись чуть не на каждомъ—православномъ ли то

или еретическомъ—соборѣ, изложеніе догматическаго ученія непременно сопровождается анаематствомъ ученія противной стороны. Это анаематство служило какъ бы выводомъ изъ вѣроопредѣленія, дѣйствительно не бесполезнымъ въ церковной практикѣ. Соборъ постановилъ: „Вѣра трехъ сотъ восемнадцати отцовъ, собиравшихся въ Никеѣ виаинской, да не отмѣняется, но да пребываетъ господствующею; и да предается анаемѣ всякая ересь, и именно ересь евноміанъ или аномеевъ, и арианъ или евдоксіанъ, и полуарианъ или духоборцевъ, также савелліанъ, и маркелліанъ, и фотиніанъ, и аполлинаріанъ“.

Отлучая отъ церкви еретиковъ вообще, соборъ конечно долженъ былъ особенно позаботиться о православіи ея предстоятелей и лишить епископства по крайней мѣрѣ явныхъ еретиковъ (тайныхъ еретиковъ было, разумѣется, еще больше, чѣмъ явныхъ, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ уже замѣчено, подъ личиною православныхъ проникли даже на соборъ; но все это были ловкіе и осторожные люди, которыхъ едвали можно было уличить въ неправославіе). Безъ всякаго сомнѣнія, соборъ это и сдѣлалъ. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны (изъ вполне достовѣрныхъ источниковъ) имена низложенныхъ на соборѣ еретическихъ епископовъ, за исключеніемъ Аполлинарія и двухъ его сподвижниковъ—Виталія и Тимофея.

Соборъ такимъ образомъ выполнилъ свою главную задачу, подтвердивъ и разъяснивъ Никейскую Вѣру. Но возникалъ вопросъ: если православіе своими исключительными правами господствующаго вѣроисповѣданія привлечетъ къ себѣ приверженцевъ и исповѣдниковъ изъ среды своихъ прежнихъ враговъ, то какъ обезопасить православное общество отъ принятія въ него людей, которые, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, отрелись бы отъ своихъ прежнихъ заблужденій только наружно, а не на самомъ дѣлѣ? Что должно быть признакомъ правосмыслія или неправомыслія того или другаго лица? Принятіе извѣстныхъ догматическихъ формулъ? Но развѣ нельзя говорить одно и быть убѣжденнымъ въ другомъ? Общеніе съ мѣстнымъ епископомъ? Но гдѣ ручательство

въ православіи епископа? Не забудемъ, что та смута, о которой говоритъ св. Василій Великій въ своихъ письмахъ и о которой мы уже упоминали выше, въ эту пору еще не улеглась совершенно, недобвѣріе православныхъ другъ къ другу еще не исчезло окончательно. Выходъ изъ сказаннаго недоумѣнія скоро былъ найденъ: соборъ принялъ мѣру, которая практиковалась уже и прежде (хотя и неизвѣстно, съ какимъ успѣхомъ). Изъ своей среды соборъ выбралъ нѣсколько епископовъ, наиболѣе извѣстныхъ по своимъ личнымъ достоинствамъ и въ то же время занимавшихъ видныя каѳедры въ разныхъ частяхъ восточной имперіи. Съ этими епископами должны были имѣть общеніе всѣ, кто хотѣлъ считаться православнымъ, и неизмѣніе общенія съ ними, по мысли собора, должно было служить видимымъ для всѣхъ знакомъ принадлежности къ той или другой еретической сектѣ и, какъ предполагалось само собою, потери извѣстныхъ гражданскихъ правъ, признанныхъ исключительно за православными. Вотъ имена этихъ епископовъ съ указаніемъ округовъ, порученныхъ надзору каждаго: Нектарій, еп. константинопольскій, Терентій, еп. города Томи, и Мартирій, еп. маркіанопольскій—во еракійскомъ округѣ; Тимофей, еп. александрійскій—въ Египтѣ; Діодоръ, еп. тарескій, и Пелагій, еп. лаодикійскій—въ округѣ восточномъ; Амфилохій, еп. иконійскій, и Оптимъ, еп. Антіохій писидійской—въ асійскомъ округѣ; Элладій, еп. кесарійскій, Григорій, еп. нисскій, и Отрій, еп. мелитинскій—въ округѣ понтійскомъ.

Вотъ все, что сдѣлалъ вселенскій соборъ для раскрытія православнаго ученія и огражденія церкви отъ еретиковъ, судя по немногимъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ ¹⁾).

¹⁾ Другимъ, столь же почти важнымъ предметомъ занятій собора служила церковная дисциплина. Соборныя опредѣленія касательно этого сохранились въ такъ называемыхъ «правилахъ 150 святыхъ отцовъ». Но прежде чѣмъ приступить къ анализу ихъ содержанія и точному опредѣленію ихъ смысла и значенія, необходимо рѣшить предварительно вопросъ: сколько правилъ принадлежитъ собору и какія именно? Вопросъ этотъ естественно возникаетъ въ виду разныхъ недо-

Теперь опредѣлимъ, какого рода дисциплинарныя предписанія сдѣлалъ 2-й вселенскій соборъ и чего хотѣлъ онъ достигнуть посредствомъ ихъ.

Выше, при изложеніи начальной исторіи собора, была высказана мысль, что соборныя совѣщанія по дѣлу⁸ Максима сопровож-

умѣній касательно принадлежности собору обыкновенно приписываемыхъ ему правилъ.

Въ греческихъ и сдѣланныхъ по ихъ образцу славянскихъ и русскихъ изданіяхъ канонѣвъ второму вселенскому собору приписывается всего только семь правилъ,—цифра незначительная сравнительно съ числомъ канонѣвъ, принадлежащихъ другимъ соборамъ. Однако и эта цифра при повѣркѣ оказывается слишкомъ большою, такъ что ее приходится сократить почти на половину, и вотъ почему. Прежде всего, ни у одного изъ древнихъ церковныхъ историковъ и писателей, которымъ приходилось говорить о каноническихъ опредѣленіяхъ втораго вселенскаго собора, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на седмичное число правилъ этого собора. Что касается наиримѣрь церковныхъ историковъ, то, говоря о каноническихъ постановленіяхъ собора, они передаютъ лишь тѣ изъ нихъ, которыя содержатся въ первыхъ четырехъ правилахъ теперешняго греческаго кодекса. Между тѣмъ у нихъ не было никакого основанія умалчивать объ остальныхъ правилахъ, и они, безъ сомнѣнія, упомянули бы о нихъ, если бы только эти правила въ ихъ время (въ V вѣкѣ) признавались за подлинныя правила 2-го вселенскаго собора. Но это—косвенное, хотя и весьма вѣское доказательство защищаемой нами мысли; прямыхъ же и положительныхъ свидѣтельствъ о томъ, въ какомъ видѣ существовалъ греческій кодексъ правилъ въ ближайшее къ собору время, мы не имѣемъ. Прямое свидѣтельство по этому вопросу со стороны собственно грековъ относится уже къ VI вѣку. Въ «*συναγωγή κανόνων*» Іоанна Схоластика, патріарха константинопольскаго (565—578), насчитывается шесть правилъ 2-го всел. собора. Однако и этотъ счетъ не можетъ быть признанъ безспорнымъ. Самъ Іоаннъ Схоластикъ повидимому признавалъ подлинными только пять правилъ, потому что въ его сборникѣ соборныя подписи были помѣщены непосредственно послѣ 5-го правила, которое такъ обр. представлялось какъ бы послѣднимъ правиломъ, постановленнымъ на соборѣ; шестое же правило поставлено было послѣ подписей, чѣмъ повидимому давалось понять, что Іоаннъ нѣсколько сомнѣвался въ его подлинности. Во всякомъ случаѣ безспорно, что въ половинѣ VI вѣка (а въ это время изученіе памятниковъ церковнаго права поднялось весьма высоко) такъ наз. 7-е правило 2-го всел. собора еще не приписывалось этому собору. Но свидѣтельство Іоанна—все таки довольно позднее свидѣтельство. Есть другія данныя, относящіяся къ болѣе раннему времени, хотя и идущія съ латинской стороны (послѣднее обстоятельство въ настоящемъ случаѣ не имѣетъ рѣшительно никакого значенія),—данныя, не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, что 2-му вселенскому собору не можетъ принадлежать не только 7-е, но даже 5-е и 6-е правила.

дались особымъ постановленіемъ собора, по смыслу котораго Максимъ лишался епископскаго сана и терялъ всякія права на константинопольскую кафедру. Все равно, было ли это постановленіе записано въ соборныя протоколы, или же оставалось однимъ устнымъ рѣшеніемъ, но его существованіе не подлежитъ сомнѣнію.

Это, во 1-хъ, древній (конца V и начала VI в.) латинскій переводъ каноновъ, принадлежащій Діонисію Малому. Въ этомъ переводѣ не было сдѣлано рѣшительно никакъ выпусковъ и сокращеній сравнительно съ подлиннымъ греческимъ кодексомъ правилъ, и кромѣ того переводъ сдѣланъ былъ повидимому съ того самаго кодекса, который былъ подъ руками у отцовъ халкидонскаго собора, слѣдовательно кодекса весьма древняго и исправнаго. Свидѣтельство такого перевода, очевидно, имѣетъ особенную важность. Между тѣмъ въ немъ находятся только 3 правила по счету Діонисія или, что то же, 4 правила греческаго текста. И что особенно замѣчательно—такой ученый монахъ, какимъ былъ Діонисій, и послѣ вторичнаго, какъ полагаютъ, пересмотра греческихъ источниковъ, не прибавилъ къ упомянутымъ правиламъ ни одного. Тѣ же самыя правила, и только они одни, находятся затѣмъ въ Исидоровомъ переводѣ и въ Люцескомъ кодексѣ. А эти памятники, не смотря на свое позднѣйшее происхожденіе, также имѣютъ большое значеніе, такъ какъ по своему происхожденію они независимы одинъ отъ другаго.

Указанныя основанія даютъ, кажется, полное право заключать, что въ древнѣйшихъ греческихъ рукописяхъ, по которымъ сдѣланы были названные переводы, нашихъ 5-го, 6-го и 7-го правилъ не было и что эти правила въ ближайшее къ собору время не приписывались отцамъ 2-го всел. собора не только на западѣ, но и на востокѣ. То предположеніе, будто Діонисій намѣренно не внесъ въ свой сборникъ трехъ послѣднихъ правилъ, не имѣетъ за себя рѣшительно никакихъ основаній. Достаточно указать на то одно, что Діонисій (а вмѣстѣ съ нимъ и другіе переводчики) принялъ въ свое собраніе не только 2-е, но и 3-е правило; а эти правила, особенно послѣднее, ни въ то, ни въ послѣдующее время не были, да и не могли, разумѣется, быть пріятны панамъ и защитникамъ ихъ притязаній. Ясное дѣло, что латинскій переводчикъ, внося въ свой сборникъ тѣ или другія правила, былъ при этомъ совершенно чуждъ какихъ либо тенденцій. Притомъ три и особенно два послѣднія правила греческаго текста въ своемъ содержаніи не имѣли ровню ничего такого, что мѣшало бы внесенію ихъ въ кодексъ правилъ латинской церкви. Это замѣчаніе одинаково относится и къ 5, и къ 6, и къ 7-му правилу, особенно къ 6-му: это правило слишкомъ важно и полезно для церковнаго благоустройства, чтобы западные, принявшіе менѣе важныя каноны нѣкоторыхъ помѣстныхъ соборовъ, могли не принять его, если бы только они считали его подлиннымъ.

Изъ всего сказаннаго можно вывести то общее и — думается — вполне обоснованное заключеніе, что второму вселенскому собору принадлежать лишь первыя четыре правила теперешняго греческаго (или все равно славянскаго)

Этимъ однако во все не предрѣшается вопросъ о послѣдней редакціи соборнаго опредѣленія по этому дѣлу: эта редакція по всей вѣроятности относится къ тому времени, когда епископомъ константинопольскимъ и предсѣдателемъ собора былъ уже Нектарій, и можетъ быть даже принадлежить самому Нектарію. Вотъ какъ чи-

текста. Что же касается 5 и 6 правила (послѣднее съ недавно открытымъ прибавкомъ), то эти правила, какъ увидимъ ниже, были составлены вѣроятно на конст. соб. 382 г., который былъ какъ бы продолженіемъ вселенскаго собора. Только при этомъ предположеніи и можно объяснить себѣ, почему въ восточныхъ сборникахъ названныя правила приписываются вселенскому собору. Что касается 7-го правила, то его происхожденіе должно быть отнесено къ гораздо позднѣйшему времени, и вотъ на какомъ основаніи. Въ правилѣ упоминается о савватіахъ, какъ сектѣ, совершенно отдѣльной отъ новаціанъ. Между тѣмъ извѣстно, что при новаціанскомъ еп. Агеліѣ, который былъ живъ еще въ 383 г., не было и помину о томъ раздѣленіи, какое произвелъ потомъ Савватій. Это раздѣленіе хотя и существовало, но не дошло до формальнаго разрыва даже и при первомъ преемникѣ Агелія—еп. Маркіанѣ; разрывъ произошелъ уже позднѣе, именно при преемникѣ Маркіана Сисиніѣ, когда Савватій сталъ дѣлать особыя собранія независимо отъ своего епископа и когда онъ произнесъ проклятіе на совершающихъ Пасху не по іудейски. Во всякомъ случаѣ то безспорно, что савватіанъ не было еще во время константинопольскихъ соборовъ 381, 382 и 383 года, а слѣдовательно и 7-е правило явилось позднѣе этого времени. Когда же именно? На основаніи близкаго сходства и почти тождества этого правила съ посланіемъ константинопольской церкви къ антиох. еп. Мартирію, писаннымъ около 450 года, изслѣдователи полагаютъ, что оно есть простое сокращеніе помянутаго посланія,—предположеніе, болѣе чѣмъ вѣроятное. Думаютъ, что это сокращеніе сдѣлано Трульскимъ соборомъ, и съ этого времени посланіе, съ—издавна по обычаю цѣликомъ вносившееся въ каноны, получило нѣкоторый видъ правила.

Въ какомъ же видѣ существовали указанныя 4 подлинныхъ правила въ древнемъ кодексѣ канонвъ греческой церкви? Вопросъ этотъ естественно возникаетъ въ виду неодинаковаго дѣленія каноническаго содержанія на отдѣльныя правила. Въ то время, какъ въ греческихъ сборникахъ, начиная по крайней мѣрѣ съ VI вѣка, соборныя каноническія опредѣленія, содержащіяся въ нашихъ 4-хъ правилахъ, дѣлятся на 4 правила, въ латинскихъ сборникахъ тѣ же самыя опредѣленія подѣлены то на большее, то на меньшее число правилъ: у Діонисія—на 3 правила (такъ какъ 2-е и 3-е пр. онъ соединяетъ въ одно), у Исидора—на 6 правилъ (при чемъ наше 2-е правило подѣлено на три отдѣльныхъ правила), въ Люцескомъ сборникѣ—на 5 правилъ и т. д. Разгадку такого разнообразія въ дѣленіи канонвъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ намекъ на первоначальный видъ правилъ мы находимъ въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. На Халкидонскомъ соборѣ въ числѣ другихъ опредѣленій были прочитаны также правила

тается это опредѣленіе по его послѣдней дошедшей до насъ редакціи: „о Максимѣ циникѣ и происшедшемъ отъ него безпорядкѣ въ Константинополѣ опредѣлено: ни Максимъ не былъ и не есть епископъ, ни рукоположенные имъ (не были и не сослужатъ) ни въ какой степени клира; все, и для него сдѣланное и имъ сдѣланное, уничтожено, какъ недѣйствительное“. Единогласно ли принято было на соборѣ это правило? На этотъ вопросъ нужно, кажется, отвѣтить утвердительно. Вслѣдъ за восточными епископами, которымъ безъ сомнѣнія принадлежалъ починъ въ этомъ дѣлѣ, македонскіе епископы также по всей вѣроятности безпрекословно приняли осужденіе Максима. Мнѣніе папы составляло одно, что могло препятствовать имъ согласиться съ общимъ мнѣніемъ восточныхъ. Но папа Дамась, какъ замѣчено было выше, энергически высказался противъ Максима. Египетскіе епископы съ Тимофеемъ во главѣ также—думается—ни мало не противились мнѣнію большинства. По крайней мѣрѣ нѣтъ ни одного свидѣтельства, которое подтверждало бы мнѣніе нѣкоторыхъ, будто Тимофей не призналъ осужденія Максима. А между тѣмъ есть много основаній думать, что египтяне согласились отступить отъ Максима. Нѣтъ сомнѣнія, что александрійскій еп. Петръ подъ конецъ своей жизни былъ крайне недоволенъ Максимомъ, такъ какъ послѣдній грозилъ лишить самаго Петра занимаемой имъ каѳедры. Максимъ успѣлъ даже составить себѣ въ Александріи партію, въ которую быть можетъ вошла,

2-го всел. собора и притомъ подъ общимъ заглавіемъ *συνόδικον τῆς δευτέρας συνόδου*, безъ обозначенія цифрами отдѣльныхъ правилъ, какъ это было при чтеніи на томъ же халкидонскомъ соборѣ нѣкоторыхъ правилъ антиохійскаго и никейскаго соборовъ. Отсюда если не съ несомнѣнностію, то съ большой вѣроятностію можно заключать, что капоны 2-го всел. собора первоначально не имѣли той формы, какую они имѣютъ теперь, но безъ раздѣленія на правала, можетъ быть даже вмѣстѣ съ другими постановленіями, составляли одно цѣльное опредѣленіе, содержаніе котораго уже позднѣйшими собирателями и переводчиками было раздѣлено по группамъ. А такъ какъ всякій изъ собирателей или переводчиковъ могъ руководиться при этомъ своими личными соображеніями, то нѣтъ ничего мудренаго, если почти каждый изъ нихъ произвелъ дѣленіе на свой ладъ.

кромѣ наемной толпы бездомныхъ людей, и тѣ лица, которыя его рукоположили и которыхъ онъ самъ рукоположилъ въ Египтѣ. Правда, за произведенные имъ безпорядки въ Александріи Максимъ былъ высланъ изъ города; тѣмъ не менѣе онъ съ своей партией все еще былъ опасенъ для александрійскаго епископа, каковымъ въ разсматриваемое время былъ Тимофей. Послѣдній такимъ образомъ просто по чувству самосохраненія (неговоря уже о другихъ высшихъ побужденіяхъ) долженъ былъ принять соборное опредѣленіе касательно Максима и всѣхъ посвященныхъ имъ лицъ. Однакоже съ Тимофеемъ разсуждали, конечно, и прибывшіе съ нимъ епископы. При этомъ не слѣдуетъ забывать и того, что римскій епископъ, голосъ котораго всегда имѣлъ особенный вѣсъ для александрійцевъ, порицалъ ихъ за посвященіе Максима въ епископа и притомъ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ.

Въ нѣкоторой связи съ опредѣленіемъ собора по дѣлу Максима находится другое постановленіе касательно правъ и объема власти окружныхъ и областныхъ епископовъ. Вотъ это постановленіе: „принадлежащіе къ другому округу епископы (*τὸς ὑπὲρ διοικήσιν ἐπισκόποις*) не должны вторгаться въ церкви, находящіяся за предѣлами ихъ округа, и смѣшивать церковей; но, по правиламъ, александрійскій епископъ долженъ управлять церковными дѣлами только въ Египтѣ, а Восточные епископы должны управлять только Востокомъ, съ сохраненіемъ преимуществъ церкви антiохійской, утвержденныхъ никейскими правилами; епископы Асійскаго округа да управляютъ церковными дѣлами только въ Асіи, епископы понтійскіе—только въ Понтійскомъ округѣ, еракійскіе—только во Фракіи. Не бывъ призваны, епископы не должны переходить за предѣлы своего округа для рукоположенія или какого либо другаго церковнаго распоряженія.—При соблюденіи же вышесказаннаго правила объ округахъ, очевидно, что дѣла каждой области будутъ устроить областной соборъ, какъ опредѣлено въ Никее.—А церкви Божіи, находящіяся въ иноплеменныхъ народахъ, должны быть управляемы по соблюдавшемуся донинѣ обыкновенію отцовъ“.

Этимъ правиломъ прежде всего, какъ видимъ, устраняется вмѣшательство епископовъ одного округа въ церковныя дѣла другихъ округовъ. Ни одинъ епископъ, безъ приглашенія, не можетъ за предѣлами своего округа совершить посвященіе или какое нибудь другое епископское дѣйствіе; эти дѣйствія, при извѣстныхъ определенныхъ канонами условіяхъ, онъ можетъ совершать лишь въ предѣлахъ своего діоцеза, при чемъ александрійскій и антїохійскій епископы въ своихъ округахъ удерживаютъ за собой тѣ преимущества, какія предоставлены имъ канонами (ник. соб. прав. 6-е). Постановляя такое правило, соборъ, нужно думать, имѣлъ въ виду прежде всего главныхъ епископовъ каждаго округа, каковыми были епископы: александрійскій—въ Египтѣ, антїохійскій—на Востокъ (въ Восточномъ округѣ), ефесскій—въ Азїи (*Asia proconsulari*), кесаріе-каппадокійскій—въ Понтѣ и наконецъ константинопольскій (замѣнившій теперь ираклійскаго)—во Фракіи. Но само собою понятно, что запрещеніе вмѣшиваться въ дѣла чужихъ церквей съ совершенно одинаковой силой и обязательностію простиралось также и на всѣхъ другихъ епископовъ округа, изъ которыхъ нѣкоторые, занимая видныя каѳедры, могли распространять свою власть за предѣлы не только собственной парохїи (*παροχία*) и затѣмъ епархїи или области, но даже округа.

Соборъ однако не ограничился, да и не могъ ограничиться этимъ распоряженіемъ: не вмѣшиваясь въ дѣла другихъ округовъ, епископы или по крайней мѣрѣ важнѣйшіе изъ нихъ могли присвоивать не принадлежащую имъ власть въ предѣлахъ своего округа и тѣмъ нарушать права другихъ епископовъ того же округа. Уже никейскій соборъ старался предупредить подобные захваты; тоже сдѣлалъ и константинопольскій соборъ. Разграничивъ округи и тѣмъ обезпечивъ церковную жизнь каждаго изъ нихъ отъ стороннихъ вліяній другихъ округовъ, соборъ отдѣлилъ также и провинціи или области одну отъ другой съ цѣлію, очевидно, устранить вмѣшательство во внутреннія дѣла области со стороны перваго митрополита въ округѣ и вообще епископовъ другихъ обла-

стей. „Для каждой области будетъ устроить областной соборъ, какъ опредѣлено въ Никеѣ“.— „Но церкви Божіи, находящіяся въ иноплеменныхъ народахъ, должны быть управляемы по соблюдавшемуся дониндѣ обыкновенію отцовъ“. Почему же и на эти церкви не распространено дѣйствіе указанныхъ постановленій? Въ объясненіе этого достаточно указать на сравнительную малочисленность и разбросанность филиальныхъ церквей въ варварскихъ мѣстностяхъ: названныя церкви при своей разбросанности и малочисленности просто не могли составить изъ себя особаго хотя бы небольшого церковнаго округа, и тѣ порядки внутренняго управленія, которые основывались на началѣ децентрализаціи (относительной, конечно), для нихъ были совершенно не пригодны. Въ виду этого соборъ и постановилъ — не примѣнять къ филиальнымъ церквямъ сдѣланныхъ имъ опредѣленій касательно управленія церковей имперіи, а оставить въ силѣ обычную практику, согласно которой напримѣръ абиссинская церковь была въ вѣдѣніи своей матери — церкви александрійской.

Нечего говорить, какъ своевременны и полезны были двѣ первыя изъ указанныхъ мѣръ собора, изъ которыхъ одна до извѣстной степени обезпечивала внутреннюю свободу церковныхъ округовъ, а другая гарантировала самоуправленіе областей. Стѣсенное положеніе православной церкви при императорахъ до Θεодосія, особенно при Валентѣ, и неотложныя нужды времени иногда вынуждали епископовъ вмѣшиваться въ дѣла чужихъ церквей. Въ ту пору это было необходимо, и соборъ, постановляя вышеприведенное правило, безъ сомнѣнія, далеко былъ отъ мысли порицать эту временную практику, къ которой вынуждали обстоятельства. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось, — сдѣлалось возможнымъ точное опредѣленіе границъ власти епископовъ — просто въ видахъ церковнаго благоустройства и порядка ¹⁾).

¹⁾ Это именно, а не что нибудь другое, прежде всего и болѣе всего побудило соборъ принять названныя мѣры, и мы особенно настаиваемъ на этой мысли въ виду возраженій нѣкоторыхъ изслѣдователей. Могли быть, конечно, и другіе мо-

Сейчасъ разсмотрѣнное нами постановленіе собора до извѣстной степени уравнивало въ правахъ всѣхъ епископовъ, одинаково не позволяя первому, какъ и послѣдному епископу округа вмѣшиваться въ церковныя дѣла другихъ округовъ. Константинопольскій епископъ въ этомъ отношеніи вполнѣ приравнивался во всѣмъ остальнымъ епископамъ. Даже больше: въ то время, какъ главные епископы восточнаго и особенно египетскаго діоцеза сохранили за собой права высшей юрисдикціи, признанныя за ними 1-мъ всел. соборомъ, столичный епископъ оставался повидимому въ положеніи обыкновеннаго епископа, въ извѣстныхъ случаяхъ подчиненнаго своему митрополиту. По крайней мѣрѣ такое неопредѣленное выраженіе, какъ „епископы Фракійскіе да управляютъ церковными дѣлами только въ Фракіи“, въ связи съ тѣмъ, что говорится въ правилѣ о преимуществахъ митрополитовъ другихъ округовъ, не давало никакого права заключать объ отнятіи у ираклійскаго митрополита его преимуществъ, а скорѣе наводило на мысль, что здѣсь во Фракіи оставлялись въ полной силѣ прежніе церковные порядки. Такъ по крайней мѣрѣ представлялось съ перваго взгляда. (А можетъ быть соборъ и на самомъ дѣлѣ не хотѣлъ сначала отнимать у ираклійскаго митрополита его правъ и потому нарочито выразился

тивъ; но то были уже второстепенные мотивы. Ближайшимъ поводомъ къ составленію правила послужило, вѣроятно, вмѣшательство александрійскаго епископа въ дѣла константинопольской церкви. На томъ основаніи, что въ правилѣ александрійскій епископъ выдѣляется изъ всѣхъ египетскихъ епископовъ и запрещеніе вмѣшиваться въ чужія дѣла какъ бы относится къ нему одному, можно догадываться, что составители правила (конечно, не египетскіе и не македонскіе епископы) хотѣли тѣмъ намекнуть на извѣстный уже намъ поступокъ Петра, протягивавшій букву канонѣвъ. Можетъ быть имъ хотѣлось вообще нѣсколько ослабить авторитетъ александрійскаго епископа, слишкомъ высоко поднявшійся вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ и въ частности благодаря высокой личности св. Аѳанасія. Такого рода стремленія весьма естественно могли возникать у многихъ, особенно восточныхъ епископовъ при составленіи правила. Тѣмъ не меньше было бы не резонно на указанныхъ основаніяхъ полагать (какъ дѣлаютъ нѣкоторые), что правило имѣетъ въ виду исключительно александрійскаго епископа, и не вмѣшайся онъ во внутреннія дѣла константинопольской церкви, не было бы причины къ составленію самаго правила.

такъ глухо?) Между тѣмъ императоръ не могъ не желать возвышенія столичной кафедры на степень главной не только въ одномъ еракійскомъ діоцезѣ, но и во всей восточной имперіи: дать константинопольскому епископу какія либо преимущества — если не власти, то чести—было въ прямыхъ интересахъ правительства. Не говоря уже объ усиленіи блеска, увеличеніи торговыхъ и промышленныхъ силъ города, этимъ путемъ достигались другія, еще болѣе важныя для правительства цѣли, именно цѣли централизаторскія, — открывалась возможность мало по малу стянуть въ одномъ городѣ всѣ нити государственной и общественной жизни народа. Плодомъ всѣхъ этихъ соображеній императорскаго правительства и было знаменитое 3-е правило 2-го всел. собора: „константинопольскій епископъ да имѣеть преимущество чести послѣ римскаго епископа, такъ какъ Константинополь есть новый Римъ“.

Повидимому, этимъ правиломъ столичному епископу ничего больше не предоставляется, кромѣ преимущества одной чести сравнительно съ другими епископами имперіи; объ юрисдикціи — этомъ главномъ выраженіи дѣйствительнаго, а не номинальнаго только преимущества — здѣсь нѣтъ и помину. На самомъ же дѣлѣ это правило возвышало константинопольскаго епископа надъ всѣми остальными епископами, кромѣ римскаго, не по имени только, но и въ дѣйствительности: оно признавало за нимъ высшее достоинство въ такихъ своеобразныхъ и общихъ выраженіяхъ, которыя допускали весьма широкое толкованіе и могли быть истолкованы именно такъ, какъ хотѣлось правительству. Благодаря этому обстоятельству, византійскій епископъ могъ считать себя въ правѣ не довольствоваться простымъ преимуществомъ чести, но искать и власти, соответствующей его новому достоинству. И послѣдующее время дѣйствительно показало, что константинопольскіе епископы данное имъ преимущество чести понимали именно въ смыслѣ высшей власти не только въ своемъ діоцезѣ (округѣ), но и въ другихъ діоцезахъ, особенно смежныхъ съ еракійскимъ — понтійскомъ и асійскомъ, какъ это видимъ на примѣрѣ Злагоуста, непосредственнаго преемника

Нектарія по кафедрѣ. Нечего и говорить, что благодаря вышеупомянутому правилу столичный епископъ пріобрѣталъ теперь полную самостоятельность и независимость отъ ираклійскаго митрополита, который еще и прежде началъ терять свое значеніе главнаго епископа въ діоцезѣ, а теперь уже навсегда долженъ былъ уступить свои права епископу новаго Рима. Такимъ образомъ 3-е правило дополняло и, пожалуй, разъясняло 2-е правило въ той его части, которая касалась порядковъ управленія во ераклійскомъ діоцезѣ.

Таковы были каноническія опредѣленія 2-го всел. собора, состоявшіяся во время предѣдательства Нектарія. При немъ же окончательно рѣшенъ былъ вопросъ о томъ, кому быть антiохійскимъ епископомъ. Вопросъ о преемникѣ Мелетія, какъ мы видѣли, поднять былъ еще при Григоріѣ. Уже въ то время быть можетъ указывали на антiохійскаго пресвитера Флавіана, какъ на достойнаго преемника св. Мелетія. Но при Григоріѣ еще не было принято окончательнаго рѣшенія по этому дѣлу; это случилось уже при Нектаріѣ. Избраніе епископа, по всей вѣроятности, предоставлено было присутствовавшимъ на соборѣ епископамъ сирійской области, а можетъ быть и всего восточнаго діоцеза; выборъ ихъ палъ на вышеупомянутаго пресвитера Флавіана. Это былъ одинъ изъ лучшихъ людей того времени, свою дѣятельность на пользу церкви начавшій еще въ 30-хъ годахъ IV столѣтія. Но его главные труды относятся къ 50-мъ и особенно 70-мъ гг., когда онъ, во время ссылки св. Мелетія, съобща съ Діодоромъ (впослѣдствіи епископомъ тарескимъ) управлялъ православною антiохійскою церковію. Въ эту пору процвѣтанія аrianства на востокѣ и въ частности въ Антiохіи, Флавіанъ не только самъ велъ пренія съ еретиками въ частныхъ домахъ и общественныхъ собраніяхъ, но и другихъ всячески располагалъ къ тому же. По возвращеніи Мелетія изъ ссылки, Флавіанъ по прежнему оставался однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ, такъ что Мелетій взялъ его съ собою, когда отправлялся на соборъ, — обстоятельство, также располагавшее избирателей свой выборъ остановить именно на Флавіанѣ. Въ избраніи

Флавіана повидимому принимали особенно живое участіе прежній сотрудникъ Флавіана — Діодоръ, еп. тарскій, и Нектарій. Соборъ, конечно, одобрилъ сдѣланный выборъ. Но Флавіанъ еще нуждался въ согласіи антиохійской церкви на свое избраніе и потому былъ пока лишь нареченъ во епископа; рукоположенъ былъ онъ уже позднѣе, по полученіи согласія со стороны антиохіянъ (разумѣется только тѣхъ, которые прежде держали сторону Мелетія) и не въ Константинополѣ, но въ Антиохіи (въ августъ или сентябрѣ того же года).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ кончились соборныя засѣданія и соборъ представилъ императору письменный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Не приводя здѣсь этого любопытнаго документа въ его цѣломъ видѣ, мы отмѣтимъ лишь одну его особенность: соборъ обращается здѣсь къ гражданской власти съ просьбою утвердить его опредѣленія, т. е. другими словами придать имъ обязательную силу гражданскихъ законовъ, хотя эти специально церковныя опредѣленія не имѣли и не могли имѣть рѣшительно ничего общаго съ гражданскими законами, преслѣдующими свои особенныя цѣли. Императоръ, разумѣется, исполнилъ просьбу собора. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло его отвѣтнаго посланія собору. (Что оно было, въ этомъ едвали можно сомнѣваться). О содержаніи его мы можемъ судить только по императорскому рескрипту, послѣдовавшему на имя Авксонія, проконсула Азіи. (Въ азійскомъ діоцезѣ было особенно много еретиковъ, и этимъ вѣроятно объясняется то, почему рескриптъ данъ былъ на имя этого проконсула). Этимъ рескриптомъ повелѣвалось немедленно же передать всѣ церкви епископамъ, находящимся въ общеніи съ Нектаріемъ константинопольскимъ, Тимофеемъ alexандрійскимъ и другими епископами, которымъ соборъ предоставилъ право быть этими „центрами общенія“. Общеніе съ ними должно считаться признакомъ православія, и тѣ изъ епископовъ, которые не хотѣли бы удовлетворить этому требованію, должны быть изгнаны изъ церквей, какъ явные еретики, съ лишеніемъ права когда либо оцять получить эти церкви въ свое управленіе.

Кѣмъ и когда закрытъ былъ соборъ, неизвѣстно. Съ вѣроятностью можно сказать лишь одно, что соборъ объявленъ былъ закрытымъ и епископы отправились въ свои епархіи уже послѣ 30 іюля, когда изданъ былъ сейчасъ названный рескриптъ на имя Авксонія.

Соборъ кончился, но не кончилось то броженіе умовъ, которое вызвало соборъ и отчасти даже обнаружилось въ самой его исторіи. Нѣкоторые изъ вопросовъ, затронутыхъ только или окончательно повидимому рѣшенныхъ на соборѣ, продолжали еще занимать и пожалуй даже волновать умы не только восточныхъ, но и западныхъ христіанъ. Для полноты нашего очерка необходимо поэтому хотя кратко изложить судьбу нѣкоторыхъ постановленій собора и прослѣдить тѣ перемѣны, какія были внесены этими постановленіями во внутреннюю жизнь восточной церкви и въ ея отношенія къ церкви западной. Для этой цѣли будетъ достаточно, если мы остановимся на константинопольскихъ соборахъ 382 и 383 годовъ, служившихъ какъ бы продолженіемъ вселенскаго собора. Остановиться на этихъ соборахъ тѣмъ необходимѣе, что христіанская древность повидимому не отдѣляла ихъ отъ вселенскаго собора, о чемъ можно догадываться хотя бы изъ того обстоятельства, что нѣкоторыя постановленія собора 382 года она приписывала вселенскому собору.

Одинъ изъ поводовъ къ созванію новаго собора открылся въ томъ же 381 году. Возвышеніе константинопольской каѳедры на степень первой каѳедры на востокѣ, нарушавшее права александрійскаго епископа и угрожавшее правамъ римскаго епископа (вслѣдствіе новой точки зрѣнія на значеніе каѳедръ, принятой соборомъ), — низложеніе Максима (который тѣмъ временемъ пробрался на западъ и усилъ тамъ расположить нѣкоторыхъ въ свою пользу) поставленіе Нектарія на константинопольскую и Флавіана на антиохійскую каѳедру, — все это возбудило на западѣ весьма сильное неудовольствіе. На соборахъ аквилейскомъ и миланскомъ западные епископы заявили формальный протестъ противъ рѣшеній К. собора

по названнымъ пунктамъ и требовали пересмотра ихъ на новомъ соборѣ, угрожая въ противномъ случаѣ разрывомъ церковнаго общенія съ востокомъ. Восточнымъ епископамъ нужно было такъ или иначе оправдать образъ своихъ дѣйствій на вселенскомъ соборѣ; притомъ благоразумнѣйшіе изъ нихъ, равно какъ и самъ императоръ, и безъ того сильно тяготились своими натянутыми отношеніями съ западомъ, вызванными разногласіемъ по антiохійскому вопросу; а Нектарій даже лично былъ заинтересованъ въ улаженіи этихъ отношеній. Соборъ былъ, очевидно, необходимъ и онъ состоялся въ Константинополѣ лѣтомъ 382 года. Составился онъ изъ тѣхъ же самыхъ лицъ, какія были на прошлогоднемъ соборѣ. Такимъ образомъ самый составъ собора отчасти предрѣшалъ исходъ дѣла не въ благопріятномъ для запада смыслѣ. И дѣйствительно, большинство епископовъ явилось на соборъ, уже заранѣе рѣшивъ не уступать западнымъ ни въ чемъ и особенно по антiохійскому вопросу. Дѣло уже по видимому клонилось къ тому, чтобы признать приверженцевъ Павлина раскольниками, и только настоянія лучшихъ епископовъ и вѣщательство свѣтской власти заставили отцовъ отнестись къ сторонникамъ Павлина нѣсколько справедливей, чѣмъ годъ тому назадъ. Соборъ впрочемъ и не думалъ исполнять главнаго требованія западныхъ касательно признанія Павлина антiохійскимъ епископомъ; онъ избралъ другой путь къ уничтоженію антiохійскихъ неурядицъ и примиренію съ западными приверженцами Павлина. Въ отвѣтъ на посланіе аквилейскаго собора (τόμος τῶν ἀδελφῶν въ такъ наз. 5-мъ пр. 2-го в. собора), въ которомъ западные епископы требовали между прочимъ пересмотра дѣла Павлина, соборъ постановилъ принимать въ общеніе сторонниковъ Павлина; о самомъ же Павлинѣ, его правахъ соборъ благоразумно умолчалъ. Но онъ зналъ, что западные не удовлетворятся этимъ рѣшеніемъ, и потому въ своемъ посланіи старается подѣйствовать на нихъ разными „братскими“ увѣщаніями, просить ихъ „отложить всякое человѣческое пристрастіе и благоустройство церковей предпочитать расположенію или любви личной“, — словомъ

предлагаетъ западнымъ совѣты, въ которыхъ сами восточные нуждались не меньше тѣхъ.

Соборъ пытался также примирить западныхъ и съ Нектаріемъ. Само собою разумѣется, что отцы собора не могли, да и не хотѣли отказаться отъ своего прежняго постановленія, тѣмъ больше, что самъ императоръ раздѣлялъ ихъ мнѣніе. Въ этомъ пунктѣ они были правѣе западныхъ и исполнѣ резонно могли отвѣтить имъ, что защищаемый западными претендентъ на столичную кафедру совѣтъ не стоитъ ея. Однакожь они сочли нужнымъ соблюсти всевозможную осторожность и мягкость въ выраженіяхъ. Въ своемъ посланіи къ западнымъ они избѣгаютъ даже называть ими Максима, стараются главнымъ образомъ выставить на видъ единодушное избраніе Нектарія съ согласія императора, клира и всего народа и въ заключеніе *просятъ* западныхъ утвердить ихъ выборъ.

Таковы были мѣры, принятыя соборомъ съ цѣлію возстановить добрыя отношенія съ западомъ. Другой мѣрой, принятой на соборѣ, отцы надѣялись обезпечить внутреннее благоустройство въ самихъ восточныхъ церквахъ и между прочимъ обезопасить церкви отъ происковъ еретиковъ, на что обращалъ свое вниманіе и вселенскій соборъ. Можно даже сказать, что мѣра, о которой идетъ здѣсь рѣчь, служила простымъ дополненіемъ къ тому, что постановилъ вселенскій соборъ по этому предмету. Мы разумѣемъ то правило, которое обыкновенно издается въ числѣ правилъ вселенскаго собора 6-мъ по счету. Вотъ это правило:

Такъ какъ многіе, желая разстроить церковный порядокъ и ниспровергнуть церковное благоустройство, враждобно и клеветнически вымышляютъ разныя обвиненія противъ управляющихъ церквами православныхъ епископовъ, усиливаясь такимъ образомъ только помрачить добрую славу священнослужителей и произвести смятенія въ мирномъ народѣ: то поэтому святыи соборъ сошедшихся въ Константинополѣ епископовъ заблаго-разсудилъ: не безъ изслѣдованія допускать обвинителей и не всякому позволять обвиненіе правителей церквей, впрочемъ и не всѣмъ возбранять. Но если кто принесетъ на епископа какую нибудь собственную, т. е. частную жалобу, какъ напримѣръ въ томъ, что обмануть имъ или потерпѣлъ отъ

него какуюнибудь другую неправду, (то) при такихъ обвиненіяхъ не дѣлать изслѣдованія ни о лицѣ обвинителя, ни о вѣрѣ его. Ибо во всякомъ случаѣ и совѣсть епископа должна быть свободна, и объявляющій себя обиженнымъ, какой бы вѣры онъ ни былъ, долженъ найти правосудіе. Если же возводимая на епископа вина будетъ церковная, тогда должно сдѣлать изслѣдованіе о личности обвинителя. И во 1-хъ, да не позволяется еретикамъ взводить обвиненія на православныхъ епископовъ по дѣламъ церковнымъ. Еретиками же мы называемъ и тѣхъ, которые издавна отчуждены отъ Церкви, и тѣхъ, которые вполнѣдствіи нами преданы анаемѣ, а вмѣстѣ съ ними и тѣхъ, которые показываютъ видъ, будто исповѣдуютъ истинную вѣру, однакожь отдѣлились отъ нашихъ законно поставленныхъ епископовъ и составляютъ свои собранія. Потому, если кто изъ нихъ Церковію, за какіянибудь вины, прежде былъ осужденъ и изверженъ или отлученъ, будетъ ли то клирикъ или мірянинъ, то и такимъ не дозволяется обвинять епископа, пока напередъ не очистятъ себя отъ собственной вины. Равнымъ образомъ и тѣхъ, которые обвиняются въ чемъ-нибудь, не допускать къ обвиненію епископа или другихъ клириковъ прежде, чѣмъ докажутъ свою собственную невинность. Если же кто, не бывъ ни еретикомъ, ни отлученнымъ, ни осужденнымъ, ни обвиненнымъ въ какихънибудь преступленіяхъ, скажетъ, что имѣетъ какое-либо обвиненіе противъ епископа по церковному дѣлу, то святой соборъ повелѣваетъ такимъ сперва представить свои обвиненія всѣмъ епископамъ области (Ἐπαρχίας) и предъ ними доказать преступленіе епископа, подвергшагося обвиненію. Если бы случилось, что областные епископы не въ силахъ были бы рѣшить дѣла по обвиненію епископа, тогда обвинители должны обратиться къ большому собору епископовъ того округа (διοικήσεως), созванныхъ по этой причинѣ; они прежде они могутъ настоявать на своемъ обвиненіи, какъ письменно обязавшись понести равное съ обвиняемымъ наказаніе, если бы, по изслѣдованіи дѣла, оказались клеветующими на обвиняемаго епископа. Но если кто, презрѣвъ это рѣшеніе, дерзнетъ или утруждать слухъ царскій, или суды мірскихъ начальниковъ, или беспокоить вселенскій соборъ, къ оскорбленію чести всѣхъ епископовъ округа, того отнюдь не должно принимать съ жалобой, какъ оскорбившаго каноны и нарушившаго церковный порядокъ⁴ 1).

⁴) Въ такомъ видѣ находится это правило въ обыкновенныхъ изданіяхъ каноновъ и въ большей части манускриптовъ. Но въ нѣкоторыхъ сборникахъ, именно Валицелліанскомъ и Ватиканскомъ, оно читается съ слѣдующей прибавкой: «относительно тѣхъ, которые обвинять (епископа?) въ тяжкихъ духовныхъ грѣхахъ, а потомъ, пораженные болѣзнями или страхами, признаются

Таковы опредѣленія константинопольскаго собора 382 г., которыми восполнялись постановленія вселенскаго собора. Какъ видимъ, отцовъ собора не занималъ вопросъ о примиреніи съ неправомыслящими, на что прежде всего обратилъ вниманіе вселенскій соборъ и чего однако онъ не успѣлъ достигнуть. Между тѣмъ этотъ вопросъ возникалъ и въ обществѣ, и въ правительственныхъ сферахъ съ новою силою, и вотъ почему. Законы противъ еретиковъ, почти непрерывно издававшіеся императоромъ съ 379 года, возбуждали конечно сильнѣйшее неудовольствіе въ ихъ средѣ. Въ 383 году это неудовольствіе стало даже сказываться въ открытыхъ беспорядкахъ. Волненія и смуты, начавшіяся прежде всего въ столицѣ, распространились отсюда почти по всему востоку. Между тѣмъ императоръ, миролюбивый по характеру и совсѣмъ не фанатикъ въ душѣ, ничего такъ не желалъ, какъ улаженія этихъ смуть и притомъ по возможности мягкими средствами. Онъ рѣшился вновь попытать средство, уже разъ принятое имъ два года тому назадъ: велѣлъ опять собраться въ Константинополь какъ православнымъ, такъ и неправославнымъ епископамъ, не теряя еще надежды, что бесѣды другъ съ другомъ сблизятъ съ православными по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ неправомыслящихъ.

Соборъ составился въ іюль 383 года. По первоначальной мысли царя, соборъ долженъ былъ разсмотрѣть исходные пункты каждой

что обвиняя или свидѣтельствуя они говорили ложь, — (относительно таковыхъ лицъ), если они міряне, мушны ли то или женщины, постановлено: если они находятся при смерти, то преподавать имъ таинство; но если они оправятся отъ болѣзни или освободятся отъ угнетающаго ихъ страха и останутся въ живыхъ, то наложить на нихъ отлученіе до послѣдняго издыханія, воелику, сказавши ложь, они сдѣлались причиною осужденія невинныхъ, или утверждая сначала, какъ справедливое, то, что потомъ объявляютъ ложью, они соблазняютъ прямодушныхъ людей. Если же они (обвинители) принадлежать къ клиру, то, буде они умрутъ, поминать ихъ, какъ усопшихъ въ вѣрѣ, а если избѣжать опасности, то не возводить ихъ на высшую степеню. Въ виду древности упомянутыхъ двухъ кодексовъ, въ которыхъ содержится эта прибавка, принявъ кромѣ того въ соображеніе тѣсную связь и полное соответствіе прибавки съ такъ наз. VI правиломъ 2-го всел. собора, можно кажется не колеблясь признать эту прибавку подлинною.

ереси, и Нектарію поручено было въ этомъ смыслѣ составить вопросы, которые имѣлъ обсудить соборъ. Но ученый новаціанинъ Сисиній, къ которому Нектарій обратился за помощью въ этомъ дѣлѣ (очевидно, сознавая собственную некомпетентность въ такомъ ученomъ дѣлѣ), посовѣтовалъ ему по возможности совсѣмъ уклоняться отъ разсужденій съ неправомыслящими, которыя, по мнѣнію Сисинія, не повели бы ни къ чему, и поставить дѣло проще, именно спросить еретиковъ: принимаютъ ли они тѣхъ отцовъ и учителей церкви, которые жили до возникновенія ересей, или же отвергаютъ ихъ, какъ недостаточныхъ свидѣтелей истины? Если, говорилъ Сисиній, еретики отвергнутъ древнихъ отцовъ, то ихъ (еретиковъ) оставляютъ и ихъ единомышленники; если же признаютъ, то произнесутъ приговоръ самиямъ себѣ. Однако предложенный Сисиніемъ проектъ въ сущности нисколько не упрощалъ дѣла, какъ это сейчасъ же и обнаружилось на соборѣ. Когда еретикамъ предложенъ былъ отцами вопросъ: какъ они смотрятъ на древнихъ учителей?—тѣ разумѣется выразили свое полное уваженіе къ нимъ. Но когда ихъ спросили: прекратятъ ли они споры на основаніи изреченій этихъ учителей?—то одни изъ еретиковъ, повидимому наиболѣе упорные, прямо заявили, что указаннымъ способомъ ничего нельзя достигнуть, такъ какъ отеческія писанія можно толковать различно; другіе выразили согласіе на упомянутое предложеніе, но лишь потому, что надѣялись при помощи діалектики объяснить отеческія свидѣтельства въ благопріятномъ для себя смыслѣ. Такимъ образомъ опять-таки все сводилось къ діалектикѣ, которой думалъ избѣжать Сисиній, рекомендуя свой проектъ. И намъ кажется, что эта самая діалектика была почти единственнымъ оружіемъ, которое съ наибольшимъ успѣхомъ можно было употребить въ настоящемъ случаѣ. Съ еретиками нужно было бороться равнымъ оружіемъ; а именно діалектика и служила для нихъ этимъ оружіемъ. Григорій Богословъ въ бытность свою въ Константинополѣ болѣе всего поражалъ еретиковъ именно своей блестящей и сильной діалектикой и ей по преимуществу обязанъ былъ своими успѣхами. Правда, въ числѣ явившихся на со-

борь неправомыслящихъ были люди и простые, для которыхъ одно какое нибудь прямое отеческое свидѣтельство имѣло рѣшающее значеніе. Но ради нихъ не стоило и собирать собора: они и безъ того оставили бы ересь, такъ какъ уже прежде были подготовлены къ этому. Повторяемъ: собору слѣдовало вступить въ это состязаніе, потому что только этимъ путемъ можно было если не доставить торжество православной истинѣ, то по крайней мѣрѣ заставить еретиковъ (особенно строгихъ арианъ) задуматься и усумниться въ томъ, что они считали рѣшеннымъ. Соборъ этого не сдѣлалъ, и оттого въ результатѣ получилось присоединеніе къ церкви лишь тѣхъ изъ неправомыслящихъ, которые отдѣлились отъ нея прежде по простому недоразумѣнію.

Какъ бы то ни было, только полнаго соглашенія съ еретиками не было достигнуто, и царю оставалось лишь, согласно обычаю того времени, оффиціально подтвердить православное ученіе и отвергнуть еретическія заблужденія, (что онъ и исполнилъ), а затѣмъ издать противъ еретиковъ рядъ еще болѣе строгихъ законовъ, на чемъ особенно сильно стали настаивать теперь православные, считавшіе свой долгъ исполненнымъ послѣ того, что произошло на соборѣ. Изъ числа такихъ законовъ отмѣтимъ два, какъ особенно важные и характерные. Однимъ изъ этихъ законовъ (отъ 25 іюля 383 г.) безусловно запрещалось всѣмъ еретикамъ дѣлать собранія даже въ частныхъ домахъ; каждый православный, по смыслу закона, имѣлъ право разогнать такое собраніе. Другой законъ (отъ 3 сентября) былъ еще строже. Еретики теряли право посвящать для себя епископовъ и дѣлать собранія даже въ городахъ; дома, служившіе для нихъ мѣстомъ собраній, конфисковались; ихъ епископы, клирики и учителя изгонялись изъ всѣхъ городовъ имперіи и обращались въ мѣста ихъ рожденія съ воспрещеніемъ оставлять ихъ.

Въ виду всего сказаннаго естественно возникаетъ вопросъ: что новаго и дѣйствительно полезнаго для Церкви принесъ съ собою второй вселенскій соборъ? Говоря строго, соборъ не внесъ въ жизнь ничего новаго. Мы уже видѣли, что даже тѣ опредѣленія, которыя составляютъ его славу, принадлежать собственно не ему, а лишь авторизованы имъ. Но долю пользы соборъ принесъ. Прежде всего, здѣсь положенъ былъ конецъ взаимнымъ подозрѣнιάмъ православныхъ епископовъ въ неправомысли: оказалось, что эти подозрѣнιά, отъ которыхъ такъ долго и такъ много страдали и отдѣльныя лица и вся Церковь, были дѣломъ простаго недоразумѣнιά. Какъ важно было убѣдиться въ этомъ, понятно само собою. Затѣмъ что касается внутренняго благоустройства Церкви, то и въ этомъ отношеніи соборъ сдѣлалъ не мало. Подъ вліяніемъ древнихъ преданій онъ, какъ мы видѣли, ревностно старался устранить произволь главныхъ окружныхъ и областныхъ епископовъ и вообще обезпечить внутреннее самоуправленіе отдѣльныхъ церковныхъ единицъ. Правда, могутъ возразить, что соборъ не остался вѣренъ самому себѣ и одною рукою разрушалъ то, что созидалъ другою: своимъ постановленіемъ о преимуществѣ чести столичнаго епископа онъ положилъ краеугольный камень для будущей церковной централизаціи. Это обстоятельство однакоже не бросаетъ, по нашему мнѣнію, невыгодной тѣни на отцовъ собора. Они или по крайней мѣрѣ большинство ихъ искренно хотѣли поддержать соборное начало, искони господствовавшее на востокѣ, и не ихъ вина, если послѣдующее время, забывъ древнія преданія и тотъ простой смыслъ, какой соединяли отцы собора съ своимъ 3-мъ правиломъ, основало на этомъ правилѣ верховныя права константинопольскаго епископа. Что же касается собора, то онъ напротивъ ясными и точными опредѣленіями старался предупредить захваты незаконной власти со стороны всѣхъ болѣе сильныхъ епископовъ.

Но не въ этомъ главная заслуга собора. Его значеніе и слава основывается на его догматическихъ опредѣленіяхъ, сущность которыхъ заключается въ принятомъ на соборѣ и авторизованномъ имъ

символѣ. Излишне было бы говорить о всей важности этихъ опредѣленій: ихъ значеніе ясно открывается изъ сказаннаго выше. Въ настоящемъ случаѣ достаточно указать на то, что западная церковь, вообще не благопріятно смотрѣвшая на соборъ по извѣстнымъ намъ причинамъ, всегда съ величайшимъ почтеніемъ относилась къ его вѣроопредѣленіямъ, особенно къ символу: ради него самый соборъ съ VI вѣка сталъ считаться на западѣ вселенскимъ соборомъ.

А С—въ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки